

АРХИВ ХРОНИКИ

ПРИЛОЖЕНИЕ К "ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ"

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХРОНИКА

НЬЮ ЙОРК 1975

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека,
статья 19.

АРХИВ ХРОНИКИ

Приложение к "Хронике текущих событий"

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

1974

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство "Хроника" публикует документы Самиздата без сокращений за исключением случаев, когда публикация может нанести ущерб частным лицам, за который издательство ответственно по закону. Такие изъятия, а также пропуски в тексте из-за неразборчивости оговариваются.

Ответственным редактором при перепечатке "Хроники текущих событий" и "Архива Хроники" является Павел Литвинов.

Читателям следует иметь в виду, что в документах Самиздата часто встречаются разночтения в фамилиях и именах. При перепечатке издательство сохраняет эти разночтения, исправляя лишь очевидные ошибки.

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Н. Чалидзе

THE CHRONICLE ARCHIVES

Issue No. 1

1974

Managing editor for this issue Pavel Litvinov

Copyright © 1975 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y. 10018

Printed by Chalidze Publications, New York

СОДЕРЖАНИЕ

Письма украинок-политзаключенных Генеральному прокурору СССР.	5
Письма и заявления из Пермских лагерей	
С.Глузман — в ЦК КПСС	10
З.Антонюк — в ЦК КПСС	14
З.Антонюк — в Прокуратуру Пермской обл	16
Л.Ягман — в ЦК КПСС	17
И.Светличный — в Прокуратуру РСФСР	20
Обращение политзаключенных в Международный Красный крест	26
Интервью в лагере ВС 389/35	29
Открытое письмо С.Глузмана родителям	57
Письма и заявления из Мордовских лагерей	
В Международную демократическую федерацию женщин	64
Во Всемирный почтовый союз	66
К.Любарский. Во Всемирную федерацию научных работников	70
К.Любарский. В Президиум Верховного совета	73
Письмо Б.Азерникова	75
Письма родственников политзаключенных	
Письма Раисы Мороз	78
Переписка Г.Пинсон, матери Б.Пэнсона	83
Документы защиты политзаключенных	
Письмо А.Сахарова Л.Брежневу	90
М.Ланда. Любарский отправлен в тюрьму	93
Заявление Инициативной группы о К.Любарском	95
Пресс-конференция 30 октября (заявления Сахарова и Инициативной группы)	96
Письмо А.Григоренко А.Сахарову о М.Джемилеве	102
Заявление Сахарова в защиту Джемилева	104
Письмо А.Сахарова президентам национальных психиатрических ассоциаций	106

ПИСЬМА УКРАИНОК—ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

*Генеральному прокурору СССР
А. Руденко — украинка Шабатура
Стефания Михайловна, до ареста —
член Союза художников.*

Из размышлений в первую годовщину после приговора

Поэт В.Стус, литературный критик И.Дзюба, поэт Калынец, переводчик и литературный критик И.Светличный, журналист В.Черновол, художник С.Шабатура, поэт М.Осадчий, научный работник Н.Строкатова, поэтесса И.Калынец (Стасив), психолог и литературный критик Е.Сверстюк и другие, о судьбе которых я не могла узнать, так как *привидение* закона захлопнуло за мной двери тюрьмы...

Если хобби гр. Генерального прокурора — не рыбалка и не филателия, то он припомнит, что до 1972г., да и даже в 1972г. имена тех, кого я сумела назвать, можно было встретить на художественных выставках, на страницах художественных, научных, литературно-критических и других изданий отечественной прессы.

Сегодня Вы, Генеральный прокурор моей страны, если и слышите о них, то лишь в отчетах о судебных процессах, новой волной прошедших по Украине на протяжении последнего года.

Приговоры судов не слишком убедительно доказывают вину осужденных, но тем не менее обрекают молодых, даровитых, способных к творческому труду людей на бессмысленную трату сил и времени в местах лишения свободы.

И вот уже лагерная администрация чувствует себя убежденным защитником государственных интересов, требуя, чтобы член Союза художников шил рукавицы не менее успешно, чем когда-то выполнял свою творческую работу. Но такой маоистский подход к перевоспитанию творческого интеллигента в цеху порождает тип интеллигента, не создающего культурных ценностей.

Инквизиция Средневековья за ересь сжигала художника или его работы. Во второй половине XX столетия художников уже не сжигают и даже не расстреливают: их осуждают на перевоспитание в лагерях строгого режима. Но этот режим и есть инквизиторский костер, сжигающий творца и то, что он мог бы создать.

В ... истории человечества и не то бывало. Продали в рабство Платона. Отрубили голову Томасу Морю. Сделали сумасшедшим Чаадаева. Стонал в "Мертвом доме" каторги Достоевский. Тарас Шевченко отбывал наказание без права писать и рисовать (кстати, эту форму наказания применяют в местах заключения ко мне, художнику, не без Вашего пассивного участия). Был И.Якир, который, идя на смерть, благославлял своего убийцу Сталина. Были все те, чью судьбу определял Ваш предшественник, но я о них не напоминаю: тут уж меня жжет стыд за действие и бездействие Ваших коллег того времени.

Потомки будут говорить о наших временах, как о временах великих научных и технических достижений, но только не как о времени гармоничного развития личности. О каком развитии может идти речь, когда кровеносные сосуды культуры периодически перерезают в кабинетах следователей и в залах судебных заседаний?

Но до каких пор может это твориться безнаказанно?!

Может быть Вы разделяете концепцию Шервуда Андерсена: "Каждый человек на этом свете — Христос, и каждый будет распят."? Если так, то я согласна быть распятой за свою землю, за свой народ, которому не дадут выпрямиться во весь рост то орды Батыя, то угнетатели "царствующего дома", то деятельность Ваших коллег, прежних и теперешних.

12 июля 1973 года.

С.Шабатура.

*Генеральному прокурору
—Сеник Ирина Михайловна*

В торжественных строках Устава ООН: "Мы, народы Объединенных наций, полны решимости ... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности",— в этих строках была надежда для целых народов и для отдельных людей, которые волею различных обстоятельств оставались дискриминированными к моменту провозглашения Устава ООН.

Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека и проистекающие из нее международно-правовые документы составлялись тогда, когда в лагерях Печеры, Казахстана, Сибири и Колымы страдали те, кому принесла освобождение лишь смерть Сталина.

Страдания узников не только выливались слезами—они стали источником высоких стремлений, *свободы* и веры в *прогресс*. Из лагерей тех времен многие пошли в поэзию; творчество бывших заключенных явилось следствием и итогом их личной драмы. Те, кто вступил на путь творчества среди лагерных мук и унижений иногда сливались со своим временем, иногда спорили с ним, а иногда опережали его. Споря со своим временем, с действительностью, с эпохой, поэт идет к реальному миру, который ему, быть может, и удастся когда-нибудь открыть себе самому и своему читателю. Или напротив—он воздвигнет между собой и теми, для кого должен писать, искусственную стену, и она станет для него карой и мукой, каких не сочинит никакой лагерь, ни прежний, ни нынешний.

Мне, выплакавшей пережитое в строках нескольких сот стихотворений, написанные в заключении в годы, трудные не только для меня, но и для моей родины, — мне довелось дожить до судебных процессов над поэзией и поэтами. Поэтому я, бывшая когда-то в числе основателей ОУН, спрашиваю Вас, Генеральный прокурор страны: возможно ли вести разговоры о поэзии в залах судебных заседаний?

Объявляя 10 декабря голодовку, я хочу напомнить о том, что подзабыто со времени составления многообещающих правовых документов международного характера.

5 дек. 1973 года

И.Сеник

Генеральному прокурору —
Строкатова Нина Антоновна

Я не считаю, что наше время оставляет человеку лишь один выбор — чьим быть эпигоном.

Я давно уже *поставила себе правилом* не вступать в диалоги с теми, кто, постоянно пребывая в состоянии официальной эйфории, способен любой диалог превратить в собственный монолог. Но иногда я принуждаю себя высказать свои мысли о том, что составляет содержание деформаций, свойственных обществу, в котором я живу.

Надеюсь, что Вы, Генеральный прокурор, уже отдали должное праздничной суете, переполняющей жизнь наших государственных деятелей. Так обратите внимание на недобрые услуги, возникающие из, быть может, добрых намерений тех, кто взялся готовить нас и Вас к очередной знаменательной дате нынешнего года — к 25-летию Всеобщей декларации прав человека. Эта Декларация не имела свойств международного и, следовательно, обязательного для государств-членов ООН договора. Поэтому в течение 25 лет ее можно было использовать по-разному как политический инструмент. Но вот в нынешнем году ратифицированы известные Вам Пакты, которые ведут свое происхождение от Всеобщей декларации. С этого момента все органы информации охвачены одной идеей: доказать гражданам Советского союза, что существуют некие государственные (т.е. высшие) интересы, ради которых необходимо ограничивать гражданские и политические права. Именно эти ограничения выдаются за содержание социалистической демократии.

Исправительно-трудовая колония, как и кабинеты следователей КГБ или залы судебных заседаний, — не наиболее оптимальный из импульсов, побуждающих к откровенной дискуссии. Поэтому, не высказав ни одного из имеющихся у меня *pro* и *contra*, я позволю себе предложить Вам: прочтите в журнале 'Новое время', 1973 г., №39, вариации Ю.Решетова "Во имя прав и свобод человека". А при чтении обратите внимание на последние строки левой колонки. Там Вы прочтете: "...в соответствии с пактом может быть ограничено право на свободу мысли..." Если право власти над мыслью составляет смысл социалистической демократии, то прав будет каждый, кто станет отрицать существование такой демократии. Или, может быть, контроль над мыслью — это неизвестная мне, ввиду моей изоляции, расширенная диспозиция ст. 62 УК УССР (и соответствующих ей статей в других союзных республиках)?

Не ожидая от Вас ответа, объявляю 10 декабря голодовку в знак протеста против всех ограничений и притеснений Мысли.

10 декабря 1973 года

Н.Строкатова

*Генеральному прокурору Руденко —
Светличная Надежда Александровна.*

Аресты 1972 года, завершившиеся судебными процессами по ст.62 УК УССР, создали большую группу людей, которым вынесенные приговоры дали неписанное право считать себя политзаключенными, поскольку диспозиция ст. 62 предусматривает наказание за действие, направленное против политической основы СССР.

Итак, я стала политзаключенной, хотя главным делом своей жизни считала воспитание сына. Фактически меня лишили не только свободы, но и материнства. В этом немаловажную роль сыграла Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей в 1948 году и положенная в основу Международного пакта о гражданских и политических правах человека — пакта, ратифицированного правительством нашей страны как раз в год моего осуждения.

Неосмотрительная доверчивость по отношению к таким солидным документам, как Конституция СССР и Декларация прав человека, привела меня в тюрьму. Потому что, оказывается, они находятся в противоречии с действующими в нашей стране законами и лишь маскируют собой настоящую суть этих законов. Так, одна из статей Декларации заверяет, что "каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". А ст. 62 УК УССР предусматривает наказание за действия, состоящие в распространении идей и взглядов любыми способами и в распространении, либо изготовлении или хранении литературы антисоветского содержания.

В моем деле перевес оказался не на стороне конституционных гарантий свободы слова и гарантий, вытекающих из международных соглашений о правах человека. Перевес оказался на стороне вышеназванной статьи Уголовного кодекса, статьи, по которой меня лишили свободы и осиротили моего двухлетнего ребенка. Поэтому, пересмотрев свое отношение к Всеобщей декларации прав человека, я расцениваю ее как провокационный документ международного характера, который может служить ловушкой для доверчивых.

В знак протеста против Декларации 10 декабря сего года — в ее 25-ю годовщину — объявляю голодовку.

Н. Светличная

10 декабря 1973 года

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ ИЗ ПЕРМСКИХ ЛАГЕРЕЙ

*В Отдел административных органов ЦК КПСС
от осужденного Глузмана*

Заявление

12 мая 1974 г. я был вынужден пойти на столь чрезвычайную меру протеста как объявление месячной голодовки. Поводом послужило необоснованное лишение права на очередное свидание осужденного Пронюка, более двух лет не видевшего своей семьи.

В период с 12 мая по сей день осужденные учреждения ВС 389/35 отправили в различные советские организации и административные инстанции более двухсот заявлений, жалоб, протестов. Однако причина столь массового и активного недовольства осужденных не в одном лишь случае с Пронюком. Она — результат произвола в понимании и осуществлении законности администрацией колонии. Многократные попытки осужденных в разное время и по различным фактам привлечь внимание надзорных инстанций и советской общественности к беззаконию в колонии ВС 389/35, выразившиеся в письменных жалобах, заявлениях, краткосрочных голодовках и прочем, существенно ничего не изменили. Вот краткий перечень основных, на мой взгляд, фактов, послуживших причиной возникновения нынешней ситуации в колонии.

1. Представители администрации безнаказанно позволяют себе в обращении к осужденным грубость, шантаж, запугивание (не говоря уже об обращении на "ты"). Особенно отличаются этим офицеры Храмушин и Кузнецов. В феврале 1974 г. офицер Николаев нанес побои осужденному Боброву. Подобные действия противоречат ст.1 Основ ИТЗ и ст.1 ИТК: "Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий, как и унижение человеческого достоинства".

2. "Охота" за нарушителями приняла столь широкие масштабы, что некоторые представители администрации взяли

себе в правило составление ложных рапортов о несовершеннолетних заключенными проступках. Так, на основании подобного "рапорта" был помещен в ШИЗО осужденный Буковский. "Нарушение" состояло в том, что якобы Буковский "не находился на рабочем месте в выходной день". Абсурд. Подобные явления отнюдь не соответствуют ст.10 ИТК.

3. В противоречии со ст. 54 ИТК и 34 ИТЗ нарушается утвержденное законодательством положение о том, что налагаемое взыскание должно соответствовать тяжести и характеру проступка осужденного. Начальник колонии Пименов откровенно заявляет, что выбор наказания целиком зависит от его воли и желания и "никакой прокурор не указка" ему.

4. Большая часть осужденных практически лишена права на переписку, формально гарантированную ст.36 ИТК и ст.26 Основ ИТЗ. Нарушаются сроки отправки и вручения корреспонденции. Нарушается порядок конфискации писем. Немалое число писем вообще "исчезает", не дойдя до осужденных. Так, в настоящее время несколько десятков писем из Литовской ССР не выдаются осужденным, так как "цензор не знает литовского языка".

5. Не выполняется положение о труде осужденных (ст.27 ИТК и ст.22 Основ законодательства о труде, ст.ст.38 и 39 ИТЗ). Так, лица, работающие во вредных условиях труда, имеют полный рабочий день, не имея никакой денежной компенсации.

6. В противоречии со ст.81 Основ ИТЗ обыски в жилой зоне не всегда производятся в присутствии осужденных; во время обыска изымаются предметы и вещи, не являющиеся запрещенными. Так, у осужденного Калынца изъяты листки бумаги со стихами, судьба которых ему неизвестна до сих пор. У осужденного Гланы (?) изъяты и уничтожены пластмассовые емкости. У меня изъят начальником оперчасти колонии лист бумаги со стихотворением якобы для проверки, затянувшейся на месяцы.

7. Возможность свидания с близкими, гарантированная ст.24 Основ ИТЗ и ст.26 ИТК, в большинстве своем для нас исключена. По любым поводам, под любым предлогом осужденных лишают права на свидание. Так, я был лишен права на очередное свидание из-за того, что сидел на койке.

8. Те редкие свидания, что все же бывают, превратились в

метод издевательства над близкими осужденных, так как юридическое понятие досмотра включает в себя личный обыск свободных граждан СССР, ставший в ВС 389/35 неременным и обязательным.

9. Администрация колонии отказывает осужденным в праве иметь копии приговора. У осужденного Калынца приговор был изъят во время обыска, а затем возвращен уже без печати и подписи состава суда (эта часть листа была оторвана).

10. В 1973 г. после вмешательства представителя медицинской службы УИТУ МВД СССР несколько улучшилось медицинское обслуживание осужденных. Однако сейчас проявилась четкая тенденция возврата к старому: преобладание режимно-оперативных показаний над медицинскими. В результате этого осужденный Сылка был госпитализирован в терминальном состоянии и вскоре умер, а спустя несколько дней покончил с собой Опанасенко (кстати, не проявлявший до этого никаких явных отклонений в психическом состоянии).

11. Гарантированное осужденным ст.26 Основ ИТЗ и ст.36 ИТК право на жалобы и заявления также нарушается. Так, неоднократно задерживались администрацией заявления осужденного Буковского на имя его адвоката, задержано мое заявление адвокату, мое заявление депутату Верховного Совета УССР конфисковано как "содержащее клевету на администрацию".

12. Надзорные инстанции, куда обращались осужденные с просьбой восстановить правопорядок в колонии ВС 389/35, как правило, присылают формальные отписки, отказываются разобраться в сути вопросов, практически потворствуют беззаконию. Это положение настолько утвердилось, что начальник колонии Пименов заявляет, что "прокурор подтвердит мое решение". Так обстоит дело с практическим осуществлением ст.ст. 100 ИТЗ и 11 ИТК.

Знакомство с практической стороной осуществления нормативных положений в колонии ВС 389/35 вынудило меня в самом начале голодовки заняться составлением официально заверенного завещания на случай смерти. Дальнейшие события подтвердили мои опасения: администрация выводов не сделала. Так, не соблюдались сроки изоляции голодающих: начальник колонии заявил голодающим "о своей неограниченной власти". Голодающих пытались запугивать возможным

применением к ним ст.ст. 77 и 190 УК РСФСР, распространялись среди осужденных слухи о том, что голодающие якобы едят тайком. Ослабленные длительной голодовкой Буковский и Афанасьев были этапированы без предварительного кормления и т.д. и т.п.

Ставлю вас в известность, что в случае продолжения практики беззакония и произвола в колонии ВС 389/35 я буду предпринимать все возможные меры, воспользуюсь всеми доступными мне способами для привлечения внимания общественности и государственных органов к противоестественному положению в осуществлении законов.

16 июня 1974 г.

С.Глузман

Заявление

Вновь обращаюсь к Вам, на этот раз по специальному, если можно так выразиться, вопросу. Я имею в виду приезд и "разбирательство" комиссии по жалобам, направленным в ЦК КПСС в конце мая 1974 г. Комиссия, как потом выяснилось, была представлена ответственным работником МВД подполковником Анастасовым и работником прокуратуры РСФСР Рыжовым. Вместо разбирательства 20.У11 с.г. я был свидетелем проявления со стороны подполковника Анастасова грубого великодержавного шовинизма, выразившегося в оскорблении моих национальных прав, гарантированных Конституцией СССР. Им было заявлено буквально следующее: "На каком языке у вас переписка? А не лучше ли написать жене, чтобы она попросила соседку написать письмо на русском языке? Ведь это сделать очень просто. Конечно, все время ходить не будет, но несколько раз придется, пока не научится сама писать на русском языке".

Можно было бы пройти мимо этого хамского отношения к нерусскому, как проходишь мимо многих подобных случаев, списывая их на счет бескультурья и дикости того или иного носителя державного шовинизма. Но в данном случае речь идет о представителе МВД из Москвы, облеченного значительной властью и поручением разобраться в сложившейся в колонии практике беззакония и произвола. И на проверку оказывается, что этот представитель аппарата МВД является чистой воды шовинистом, его и скрести не надо (по выражению Ленина). Мне впервые приходится встречаться с таким шовинистом, который игнорирует основные положения Конституции СССР (о том, что он может не знать конституцию, я подумать не могу).

Когда слышишь оскорбительные слова в адрес украинцев (не иначе как хохлы) со стороны прапорщиков или дежурных офицеров колонии, проглатываешь их молча, относи эти факты на счет низкого культурного уровня носителей

интернациональных идей и невероятной запущенности идейно-воспитательной работы с обслуживающим персоналом колонии. Когда наблюдаешь подобные проявления украинофобии со стороны администрации — это возмущает. Об этих фактах я уже писал неоднократно в высшие советские органы. Циничная украинофобия подполковника Анастасова прозвучала невероятным унисом с целым рядом шагов администрации, принуждающей заключенных писать письма на русском языке. (Кстати, жена работает старшим научным сотрудником АН УССР, владеет русским языком значительно лучше подполковника Анастасова, и не только русским, но и английским, французским...) Как расценивать цинизм Анастасова? Это только усиливает отрицательное воздействие высказываний представителей администрации (типа: "Что захочу, то с тобой и сделаю", "Если захочу, поставлю на голову", "Скажут вешать, будем вешать"), усугубляет атмосферу произвола в колонии. И вот приезжает представительная комиссия из Москвы и не только покрывает украинофобию администрации, но и сама проявляет — при мягкой формулировке — хамство в национальном вопросе. Мне было страшно дико слышать от представителя МВД СССР (уверен, что он член КПСС) это национальное хамство, что расцениваю как политическое преступление.

Обращая Ваше внимание на эти вопросы, прошу понудить соответствующие органы для разбирательства ситуации в колонии подбирать состав комиссии более внимательно. Данная комиссия в составе Анастасова и Рыжова моим доверием пользоваться не может.

20 июня 1974 года.

З.Антонюк

*В Прокуратуру Пермской области
от осужденного по ст. 62 ч.1 УК УССР
Антонюка Зиновия Павловича*

Заявление

Ставлю Вас в известность о существовании разговора, состоявшегося у начальника колонии майора Пименова Н.В. сегодня, 19 июля 1974 года. При разговоре присутствовали ДВК, зам. нач. по производству и РОР. Мне было разъяснено, что больше меня как станочника на заводе нет возможности использовать, а другой работы предоставить там нельзя. Я принял это к сведению. Далее мне было предложено заняться работами во вспаханной контрольно-следовой полосе. А работа в этой полосе противоречит моим моральным принципам (я умышленно не касаюсь опасности работы в полосе, которая простреливается. *(пропуск в тексте - ред.)* ...было бы просто противоправным. Нет, я исхожу только из принципов морали). Об этом я и заявил начальнику колонии.

Коль скоро у администрации появилось серьезное желание упечь меня во что бы то ни стало, считаю своим долгом заявить, что в этом вопросе я охотно пойду навстречу ее пожеланиям и готов предложить при Вашем посредничестве целый ряд других способов это сделать. Упечь — так упечь!

19 июля 1974 года.

З. Антонюк

СПРАВКА. (от составителей)

29 июля Антонюку был объявлен выговор. 30 июля Антонюк на месяц был лишен права закупать продукты. 1 августа Антонюк лишен свидания с родными. 6 августа Антонюк водворен в штрафной изолятор на 7 суток. 6 августа на заявление отвечает начальник отделения по надзору за местами лишения свободы старший советник юстиции Мациевский на имя начальника ... части ИТУ с просьбой разъяснить Антонюку, что по указанным в его заявлении обстоятельствам в предложенной ему работе маляром прокуратура области не находит нарушения закона со стороны администрации.

*В отдел административных органов
ЦК КПСС – особо опасный государ-
ственный преступник Ягман Лев
Наумович из учреждения ВС 389/35*

Заявление

С момента крайнего обострения обстановки в ИТК-35, приведшего к месячной голодовке в мае-июне сего года, обращаюсь в отдел административных органов в третий раз. И это отнюдь не потому, что у меня есть какая-нибудь надежда на то, что, когда о безобразиях, творимых в колонии, станет известно в столь высокой инстанции, в нашей жизни произойдут какие-либо изменения в лучшую сторону. Опыт показывает как раз обратное. Практика пересылки жалоб и заявлений для разбора в инстанции, на которые жалуешься, и эта система очень неплохо отработана не только в прокуратуре, а и в отделе административных органов, наглядно демонстрирует круговую поруку, существующую между исполнительными и надзорными инстанциями, и поэтому вполне естественно, что в таком случае ответственность как за беззаконие, так и за его последствия распределяется между ними поровну.

16 августа 1974 года в колонию поступил ответ на заявления большой группы особо опасных государственных преступников из ИТК 35 в ЦК КПСС. Поступил он из Прокуратуры РСФСР под № 14/102-72 от 5 августа 1974 г. за подписью начальника отдела по надзору за местами лишения свободы старшего советника юстиции Болысова.*

Казалось бы, что старший советник юстиции, осуществляющий контроль за всеми местами лишения свободы в РСФСР должен был внимательно проверить факты, излагаемые в заявлениях. тем более что в конце июня, уже после окончания голодовки, в колонии был представитель Прокуратуры РСФСР Рыжов, который имел возможность выслушать десятки людей, изложивших ему неопровержимые доказательства беззаконий в лагере.

---

*Полный текст ответа Прокуратуры см. в Хронике 33.

Однако, знакомясь с ответом, поражаешься, мягко выражаясь, вольному обращению с фактами, которое позволяют себе прокуроры, надзирающие за исполнением Закона во всех местах лишения свободы РСФСР.

Если я, например, указывал в заявлении на возмутительную практику лишения свидания после того, как администрации становится известно, что родственники уже выехали, и приводил случаи с Бутманом, Пронюком и со мной, то мне отвечают, что факты о лишении вышеназванных лиц свидания "после того, как к ним приезжали родственники, не подтвердились".

Если в жалобе указывается, что з/к Буковского и Афанасьева этапировали из колонии в тюрьму после более двухнедельной голодовки, в период принудительного кормления, в ослабленном состоянии, то нам просто отвечают, что "доводы ... не соответствуют действительности". Очевидно, старший советник считает, что после 15-20 суток голодовки здоровье у людей укрепляется.

Если в заявлении отмечается, что з/к Буковского поместили в ШИЗО на основании рапорта, написанного, кстати, задним числом, о том, что он не находился на рабочем месте в воскресный день, то прокурор этот рапорт ложным не считает.

Совершенно правильно в ответе Прокуратуры, что "осужденные Сылка и Куркис в больнице скончались в связи с имевшимися у них тяжелыми заболеваниями". Однако также верно, что если бы тяжело больного язвой Куркиса не лишили бы инвалидности и не послали бы пахать запретную зону, он бы не умер через день от язвенного кровотечения; также как и Сылка, доставленный в больницу слишком поздно из-за оперативных соображений.

И з/к Опанасенко повесился только из-за того, что его неоднократные настойчивые просьбы отправить его из больницы с ее полутюремным режимом в лагерь не были удовлетворены, опять же по оперативным соображениям.

Не установила проверка и утери поступающей корреспонденции. Но мы жаловались не на утерю, а на пропажу: мы-то знаем, что письма не теряются, а просто оседают в ящиках и портфелях многочисленных "цензоров".

Большой интерес представляет признание факта нарушения

"трехдневного срока отправки и вручения писем". Оказывается, что это связано с отсутствием переводчика. Вот только непонятно, на какой язык должны переводиться письма, написанные на русском, а ведь их часто держат по 10 и более дней.

Очевидно, нет смысла анализировать ответ прокурора дальше. Ценность проверки должна быть уже ясна. Какую цель преследовала Прокуратура РСФСР, проводя такую "объективную" проверку? Судя по тому, как развиваются события в колонии, только одну — поощрить администрацию на дальнейшее беззаконие.

И администрация сделала выводы:

С 4 по 6 августа прождала жена з/к Коваленко у ворот... лагеря разрешения на свидание. А ведь свидания он лишен не был, и комнаты свидания пустовали; после того как администрация узнала о выезде родственников з/к Глузмана, его срочно наказывают именно лишением свидания. И пожилые люди после инфаркта, проделав в сопровождении врача путь от Киева до лагеря, вынуждены были вернуться, так и не повидав сына. Не иначе, как поощрением прокуратуры вызваны действия администрации, заставляющей з/к работать в запретной зоне, где их жизнь зависит от прихоти часового, и использующей отказ от подобной работы для незаконных наказаний, как это было с Антониюком, Матузявичусом, Чекалиным, Пришляком, Пронюком и др. Я уже не говорю о водворении в ПКТ Павленкова, Бутмана и Мешенера, которое рассматриваю как месть от бессилия задавить протесты против постоянного унижения нашего человеческого достоинства, против нарушения тех наших прав, которые гарантированы нам законом.

В заявлении К-52 от 24 июля 1974 года я писал о том, что 21 июля провожу однодневную предупредительную голодовку. Судя по всему, она не возымела действия, поэтому, чтобы защитить себя и своих товарищей от дальнейшего произвола, я вынужден с 10 августа 1974 года вновь прибегнуть к этому средству.

18 августа 1974 года

Л. Ягман

От редакции: Возможно, в полученной копии — ошибки в датах; воспроизведено без изменений.

*Начальнику отдела по надзору
за местами лишения свободы
Прокуратуры СССР, старшему
советнику юстиции Большову.*

Уважаемый гр. Болосов!

Прошу прощения, что я обращаюсь к Вам с этим неофициальным, не имеющим утилитарно-практического значения письмом и тем самым, может быть, отрываю Вас от важных государственных дел. Извинением мне может быть лишь разве то, что я не имею ввиду никаких личных интересов, не претендую на Ваш ответ, а только хочу обратить Ваше внимание на обстоятельства, к которым Вы — в силу Вашего положения — оказались причастным и которые представляют Вас в невыгодном для Вас свете.

Обратиться к Вам лично побудил меня Ваш ответ под индексом 5/8-74 №14/162-72, адресованный группе политзаключенных (или, если угодно, особо опасных государственных преступников) учреждения ВС 389/35.

Сначала, когда я прочитал Ваш ответ, он показался мне неудачной и неуместной шуткой, потом—печальным недоразумением, потом... чтобы не быть неучливым, я не буду описывать свои чувства более точно. Скажу только, что мне было просто стыдно— стыдно за Вас, за себя, за ту глупейшую ситуацию, в которой странным образом оказались и Вы, и адресаты Вашего ответа. Уверен, что и Вам, если бы Вы дополнительно знали обстоятельства, породившие эту ситуацию, и Вам, если Вы цените общепринятые моральные принципы, было бы не менее стыдно, чем мне. Я ведь Вас не знаю и поэтому предполагаю только, что Ваши коллеги, занимающиеся этим делом, просто-напросто обвели Вас вокруг пальца, используя Ваше имя и Ваше положение для прикрытия своих неблагоприятных целей и тем самым—извините за откровенность—подсунули Вам большую свинью.

Напомню Вам обстоятельства, при которых политзаключенные учреждения ВС 389/35 обратились в высокие государственные инстанции с соответствующими заявлениями.

Перманентный произвол лагерной администрации, бесконечные мелочные придирки, постоянное нагнетание напряженной атмосферы, искусственное поддержание конфликтной ситуации принудили сравнительно большую группу политзаключенных прибегнуть к крайнему средству защиты своих прав— к

голодовке. Я сам участвовал в голодовке почти месяц и, если Вы этого не знаете из собственного опыта, должен Вам сказать, что акция эта не такая уж легкая и ... (*пропуск в тексте – ред*) для жизни голодающих, особенно в лагере, при истощении организма крайне скудным питанием, изнурительной работой большинства голодающих, постоянным морально-психологическим давлением, которому здесь подвергаются все узники. И если люди, несмотря на все это, пошли на столь серьезную и опасную для себя акцию, то — смею Вас уверить — только потому, что все средства уже испробовали и никакого другого выхода у них просто не было.

Произвол лагерной администрации, о котором политзаключенные писали раньше в различные инстанции, но не получали никакого вразумительного ответа и потому прибегли к голодовке, этот произвол (форм его проявления я здесь сознательно не касаюсь) — только одна сторона дела. Он не был бы столь бесцеремонным и опасным, если бы над людьми, чинящими его, была компетентная инстанция, способная своевременно и эффективно ограничивать произвол и пресекать его. Однако мне выявить такую организацию не удалось. Лагерный произвол потому и возможен, что во многих вышестоящих органах господствует порочная в основе своей практика, когда большинство заявлений, адресованных в эти органы, направляется обратно, в те же учреждения, на которые люди жалуются.

Создается замкнутый круг: куда ни жалуйся, а жалобы все равно разбирает тот, на кого ты жалуешься (сущность дела не меняется, если это будет не непосредственно человек, чье имя указано в заявлении, а его коллега из того же учреждения из той же системы). И тогда уж не важно, что письменный ответ потом придет за подписью какого-либо высокопоставленного лица, если жалующийся знает, что это только подпись, а сам ответ составляли совсем иные люди, как это, очевидно, происходило и с Вашим ответом.

Ведь что получилось с Вашим ответом? И голодовка, и заявления политзаключенных вызваны были не единичным, отдельно взятым фактом, а именно политикой системы произвола: факты же приводились в заявлениях только в качестве *примеров*, подтверждающих эту политику.

Вы же свой ответ свели к отдельным, разрозненным фактам. И люди, готовившие Вам материал для ответа, именно тем

подсунули Вам свинью, что представили Вас человеком мелочным и ограниченным, не способным не только ответить, но и понять обращенный к Вам вопрос. Обидно, конечно, за Вас — да и только. Но этого еще мало. Сами факты, которыми Вы ограничились свой ответ, изложены и истолкованы таким образом, что в глазах людей, знающих эти факты, то есть в глазах большинства обитателей лагеря, представляют Вас в крайне неприглядном, может, даже слишком неприглядном виде. Посудите сами.

Вы пишете: "Доводы ... о том, что осужденные Буковский и Афанасьев были отправлены из учреждения в период отказа их от приема пищи, о ослабленном состоянии здоровья, не соответствуют действительности..." Это звучит убедительно (и канцелярски спокойно) для тех, кто не знает ни Буковского, ни Афанасьева, ни ситуации в лагере. Но как быть мне, бывшему соседу по камере и ШИЗО, куда нас, голодающих, в то время изолировали? Кому верить мне — собственным глазам, когда я сам видел, как отправляли Буковского во Владимирскую тюрьму не просто "в период отказа его от приема пищи", а через полмесяца после начала голодовки, или Вам, человеку, ничего не видевшему и не знающему, а слепо поверившему людям, заинтересованным в искажении истины? Как быть двумстам заключенным лагеря, если они тоже все это видели и знают? Как они воспримут это Ваше холодное "не соответствует действительности"? Смогут ли они сохранить в своей душе хоть капельку официально положенного уважения к Вам, если Вы их оптом выставяете дурачками?

Или еще — Вы пишете: "Не соответствует действительности сообщение Глузмана о том, что прибывающие на свидание родственники осужденных подвергаются обыску". Но вот мою жену, приехавшую ко мне на свидание в сентябре 1973 года, не просто обыскали, ее раздели догола, заставили приседать и т.п. — то есть подвергли крайне унижительным для человеческого достоинства процедурам, Это что — не действительность? Таким же операциям подверглась жена З.Антонюка — Сарначная В.В. Обыскивали даже престарелую мать и 9-летнего сына Чекалина. Вообще такие случаи в лагере — обыденное явление, и если, по-вашему, на относятся к реальной действительности, то по какому ведомству прикажете их зачислить? Может,

по части спиритических явлений? Но функционеры, проделывающие эти унизительные операции, так мало напоминают бесплотных духов, что даже об их духовности в материалистическом смысле можно говорить только условно... И Вас спровοщировали поставить подпись под таким недоброкачественным ...*(пропуски в тексте – ред)*... не знающих чести и совести лжецов!

Наконец пример, касающийся меня лично. Вы пишете, будто жалобы на то, что "при обысках у осужденных изымаются и не возвращаются книги, записи, тетради, копии приговоров и даже предметы, разрешенные к хранению, не подтвердились", и только, мол, "у осужденного Светличного изымались различные записи, которые после ему возвращены". Во-первых, "различные записи" (и не только записи, но и различные вещи — одежда, посуда, марки и т.п.) изымались и не возвращались не только у Светличного, но и у многих других — у И.Калинца, З.Антонюка, Г.Гладко, М.Горбалья, Д.Верхоляка... И если эти факты, как Вы пишете, не подтвердились, так это только потому, что их Вам преподнесли сами творцы этих фактов, люди, долженствующие нести за это, кроме всего прочего, и материальную ответственность. Какие же в таком случае факты могут подтвердиться? Сами понимаете.

Во-вторых, "различные записи" у меня лично изымались неоднократно. Часть из них, изъятая в декабре 1973 года была мне действительно возвращена в июне 1974 года, то есть больше чем через полгода после изъятия. Вам только "забыли" сообщить, что и эти записи были возвращены после моей почти месячной голодовки, только вследствие голодовки, только после моего обращения в Президиум Верховного совета СССР; возвращены были, возможно, только для того, чтобы Вы могли в своем ответе написать хотя бы такую скромную фразу.

Неужели Вы считаете нормальным, чтобы такую простейшую вещь, как возвращение профессиональных филологических записей, надо было отвоевывать так долго и такой дорогой ценой? И потом, ведь возвратили мне только часть, только те записи, за которые я воевал более полгода, а все другие, изъятые весной и летом этого года, не только не возвращены но я даже не знаю, где они находятся и к кому по этому вопросу можно обратиться. Очевидно, и за них, чтобы их получить обра-

тно, мне придется объявить голодовку или идти на какую-нибудь иную серьезную акцию. Как видите, и в этом вопросе все обстоит далеко не так идиллически, как это представляется формулировками Вашего ответа.

Да и другие факты, которые, по-вашему, "не подтвердились" и "не соответствуют действительности", выглядят совершенно так же.

Все не подтверждается и не соответствует действительности, если эта действительность кое-кого не устраивает, а что она в данном случае не устраивает Ваших коллег, имеющих в этом свой личный интерес, — это очевидно. Жаль только, что для этого они используют Ваше имя. Я говорю о Вашем имени, но Вы, надеюсь, меня простите, если я скажу, что его честь меня волнует меньше; гораздо более беспокоят меня результаты Вашего ответа. Ведь обращаясь в высокие государственные инстанции за помощью, люди верят в возможность справедливого разрешения дела и возлагают на них свою надежду, считая, что администрация, чинящая произвол, — это еще не советская власть, что советская власть к этому не сводится, что они не беззащитны и могут найти выход в рамках социалистической законности. Когда же эту веру и надежду у них отнимают, разрушая столь бесцеремонно, как это вышло с Вашим ответом, то уже не надо ни большого ума, ни богатой фантазии, чтобы представить, как все это влияет на людей, какие чувства и взгляды воспитывает и выигрывает ли от этого что-либо советская власть. Стоит ли после этого удивляться, что люди, доведенные произволом до отчаяния, идут на все: не только на голодовку, но и на самоубийство, как это было с упоминаемым в Вашем ответе Опанасенко. Конечно, как Вы говорите, "со стороны администрации не установлено каких-либо действий, послуживших бы причиной самоубийства осужденного Опанасенко", да и странно бы было, если бы такие действия были установлены, когда все "не подтверждается" и "не соответствует действительности".

Но все-таки петлю себе на шею человек набросил не от умиления гуманизмом и добротой администрации. Я мог бы выразиться еще более точно и определенно. Мне известно и еще об одной попытке самоубийства во время голодовки; и не состоялась она вовсе не по вине администрации, ее предотвратили сами голодающие: но если бы она состоялась, я бы не смог ее

назвать *самоубийством*, это было бы убийство, и виновников его я мог бы назвать по имени.

И хотя Вы, гр. Болосов, подписали такой беспечно-оптимистический ответ, по которому вроде бы ничего по части произвола не было, я должен Вас разочаровать: не только было, но и есть.

Уже после того, как Вы подписали свой ответ, к С.Глузману приехали на свидание его престарелые, перенесшие инфаркт родители, а администрация лишила С.Глузмана свидания уже после их выезда из Киева, и они, проделав нелегкий путь в несколько тысяч километров, возвратились обратно ни с чем.

А 26 августа по совершенно пустячному поводу лишили свидания И.Калынца с его пенсионного возраста мамой и 11-летней дочерью, уже приехавшими на свидание. Многие заключенные, возмущенные таким вызывающим произволом, снова объявили голодовку, отказались выполнять режимные требования и в иной форме заявили свои протесты, а какие [это] может вызвать "неподтвердившиеся" трагедии — это никто предвидеть не может.

Я говорю это потому, что Вы Вашим безответственным ответом поощряете администрацию в ее произволе, а людей, терпящих произвол, толкаете на крайние действия. Или, может быть, создание конфликтов и трагедий кем-либо предусмотрено и поощряется?

Тогда я свои слова готов взять обратно.

Но, оставаясь, может быть, наивным, я в это не верю и поэтому—

с уважением к Вам

Иван Светличный

22 августа 1974 года.

Обращение

В печати неоднократно встречаются сообщения, что советский Красный крест, руководствуясь чувством гуманности, оказывает помощь продовольствием, одеждой и медикаментами населению стран, пострадавших от стихийного бедствия, беженцам и политическим заключенным. Вполне естественно было бы ожидать от столь гуманной организации проявления таких же высоких чувств и по отношению к нам политзаключенным советских концлагерей, однако почему-то этого не происходит. Люди, сидящие в лагерях по 20 с лишним лет, не припомнят ни одного случая не только оказания помощи политзаключенным со стороны советского Красного креста, но даже появления в лагере ее представителей, и это несмотря на наши неоднократные просьбы. А ведь здесь они увидели бы много поучительного.

Знают ли, например, в советском Красном кресте о голодовках политзаключенных — единственном имеющемся у нас способе отстаивать свои права?

Знают ли они, что изоляция голодающих осуществляется, по инструкции, на четвертые сутки голодовки, что производится она в совершенно непригодных помещениях штрафного изолятора? В полутемных камерах площадью 3,5 м. содержится по два человека, холодно, крысы, помещение не проветривается, туалет только в 5 часов утра, в камере "параша".

Знают ли они, что по новым, более "гуманным" инструкциям принудительное кормление голодающих начинается только после появления изо рта запаха ацетона, т.е. когда в организме уже начался распад белка. Причем и оно проводится с интервалами в несколько дней по так называемым "медицинским показаниям", т.е. по указаниям КГБ. По их словам, задача принудительного кормления — не дать умереть, а что же касается необратимых процессов, происходящих в организме голодающего из-за такого "кормления", так это (цитируем): "Нужно, чтобы в другой раз неповадно было голодать". Естественно, что в таких условиях не приходится го-

ворить о должном врачебном контроле.

Знают ли они, что условия содержания в лагере специально придуманы, чтобы подорвать здоровье заключенного? Эту роль преследуют и нормы питания (как общая—1А, так и норма ШИЗО —9А, которую получаешь, выполняя норму выработки, и 9В — с горячей пищей через день, если норму не выполняешь. На таком пониженном питании администрация может держать заключенного до шести месяцев), и запреты получать в посылке (5 кг. в год после половины срока), в бандеролях (по 1 кг. два раза в год) шоколад и изделия из него, "потому что",—как обмолвился прокурор по надзору за лагерями Пермской области Мякишев,—"это слишком калорийный продукт". Нельзя получать нам и фрукты, под запретом витамины и медикаменты, а ведь их так не хватает в лагерной больнице. Теплое белье получить практически невозможно, хотя у нас не остров Досон, зимой здесь бывает до 50 градусов мороза.

Мы не в курсе, знают ли об этом руководители советского Красного креста, но абсолютно уверены, что знать не хотят, так же как не хотят знать о тяжелобольных, с которых снимают инвалидность по указанию КГБ (что помогает администрации использовать их на тяжелых работах), и о многих неизлечимо больных политзаключенных, которых "активируют" (освобождают по состоянию здоровья) в лучшем случае за несколько месяцев до смерти, как это было с политзаключенным М.К.Кибертасом в мае 1973 года.

Отсутствие нормальной медицинской помощи, когда врачи (по их словам) —"прежде всего работники МВД", приводит к многочисленным желудочно-кишечным заболеваниям среди заключенных и к смертельным исходам, как это было во время этапа из Мордовии в Пермскую область с заключенным Г. Микитюком (июль 1972 г.), как это было в августе 1973г. в лагере ВС 389/36 с заключенным Куркисом и в мае 1974г. с заключенным Сылкой. В лагерной больнице по сути господствует тюремный режим содержания, результатом чего явилось самоубийство заключенного Опанасенко в июне 1974 года. Зато в законе написано, что исполнение наказания не должно влечь за собой причинение ущерба здоровью.

Наконец мы не можем смириться и молчать о самом страшном и чудовищном. Несмотря на все уверения в отсутствии

подобной практики, до сих пор продолжается извращенное использование медицины в политических целях в качестве оружия террора и расправы с инакомыслящими, которых врачи-психиатры МВД, ссылаясь на особые инструкции, объявляют умалишенными. Объявляя душевнобольными людей, чьи убеждения расходятся с коммунистическими догмами, они стараются убедить общество, что исповедование подобных идей в СССР — удел лишь немногих умалишенных. У людей, против которых обращают как оружие медицину, отнимают больше, чем физическую жизнь; их социально и духовно ликвидируют, они похоронены заживо, не имеют права называться человеком. Попытки подобного метафизического убийства есть преступление против человеческого духа. Те, кто уже помещен в "специальные" лечебные заведения МВД, находятся в неопишеских условиях, остальных держат под постоянной угрозой такой расправы, стремясь этой, ни с чем несравнимой моральной пыткой сломить их волю, заставить полностью отречься от своих убеждений и идеалов. Применение этого оружия обусловлено как полным отсутствием какого-либо внутреннего сдерживающего фактора, так и убежденностью в его эффективности. Только самые активные действия международной общественности могут остановить это посягательство на святая святых человека, спасти тех, кто уже находится в страшных казематах спецлечебниц, и предотвратить в будущем это самое тяжелое преступление против человечности.

Слишком многого не знают и не хотят знать в советском Красном кресте. Именно поэтому мы обращаемся к Вам. Мы хотим, чтобы в мире знали истинную цену выборочной доброты и безопасной гуманности советского Красного креста.

А.Альтман, Н.Бондарь, М.Горбаль, В.Захарченко, А.Здоровый, И.Калынец, В.Марченко, И. Менделевич, И.Огурцов, Е.Пришляк, Е.Сверстюк, Б.Шахвердян, Л.Ягман.

Интервью политзаключенных Пермского лагеря ВС 389/35

Чилийские политзаключенные, как известно, имеют возможность встречаться с представителями печати, даже иностранными, говорить обо всем, о чем их спрашивают.

Советские политзаключенные такой возможности лишены, от внешнего мира они максимально изолированы. Однако несмотря на все строгости, нам удалось передать в политлагерь возле Всесвятской (на Урале) вопросы, и человек, получивший их, взял интервью у нескольких политзаключенных. Первый вопрос, естественно, касался самого факта изоляции, способов ее осуществления и целей, преследуемых этим.

Иван Светличный: Администрация лагеря действительно стремится к максимально возможной изоляции. Все непосредственные контакты с внешним миром сведены к двум общим и одному личному свиданию в год, причем свидания предоставляются только с ближайшими родственниками. Всех этих свиданий заключенный может быть лишен по усмотрению администрации, а поводом для этого может послужить все что угодно. Меня, к примеру, в 1974 году уже лишили двух общих свиданий — один раз за то, что сидел на кровати (правилами это не предусмотрено), второй раз за изъятие у меня стихи, содержание которых кому-то не понравилось. Общее свидание, если таковое предоставляется, полагается от одного до четырех часов, на нем обязательно присутствует надзиратель, который следит, чтобы разговоры не выходили за рамки бытовых тем, не касались политики, условий лагерной жизни и т.п. Личные свидания происходят в специально оборудованном помещении, оснащено подслушивающим устройством. Ни о каком, естественно, устном обмене информацией не может быть и речи, а пользоваться на свидании бумагой, карандашом и т.п. не разрешается. Насколько тотальной является изоляция политзаключенных, можно судить уже потому, что даже надзирателям, людям специально подобранным и вышколенным, вступать в разговоры с политзаключенными не разрешается, а ру-

ководящие представители администрации обсуждают строго определенные темы.

Другой вид общения с внешним миром — переписка — подлежит строжайшей цензуре. Запрещается писать об условиях лагерной жизни, называть имена своих товарищей-политзаключенных, упоминать о плохом состоянии здоровья, непозволительную условность усматривают даже в простом описании природы и погоды.

Такой же строгой цензуре подлежат письма к заключенным. При этом цензура, как правило, не утруждает себя необходимостью аргументировать конфискацию писем... Для этого достаточно заявить, что в письме есть какие-то условности или сведения, не подлежащие оглашению, или что письмо подозрительно по содержанию или содержит искажение "международной действительности". Насколько это делается произвольно, можно судить из того, что мне и И.Калыңцу конфисковали письма от родственников из Мордовского политлагеря; то, что пропускала Мордовская цензура, находила крамольным Уральская цензура, и наоборот.

Более того, цензура одного и того же лагеря в разное время может поступать совершенно по-разному. В конце 1973 года было конфисковано мое письмо к жене. Тогда я проделал несложный эксперимент: написал такое же письмо вторично, добавив в нем только сообщение о конфискации предыдущего письма, и это, второе, письмо цензура пропустила. Я и сейчас не знаю о чем это свидетельствует: или эти письма цензурировали разные люди, или это зависело от настроения одного и того же человека. Скорей — последнее. Но хуже всего то, что переписка отдана на откуп администрации лагеря и пожаловаться в случае конфискации — некому: конфискованные письма уничтожаются и проверить обоснованность конфискации — невозможно.

Вопрос: Чем вызвана такая строгость изоляции?

И.Калынец: Для меня очевидно, что это делается единственно для того, чтобы скрыть факты и действия, противоречащие международным правовым и моральным нормам и положениям советской Конституции. Меня, к примеру, судили

за литературное творчество, не имеющее ни антисоветской направленности, ни даже более или менее осязаемого общественно-политического характера вообще. Смешно и говорить, чтобы в моем "деле" были какие-либо государственные или военные тайны. Тем не менее, судебный процесс по моему делу был закрытый, на нем не могли присутствовать даже мои близкие родственники, и это понятно: дела-то собственно нет, "особо опасное государственное преступление" исчерпывалось несколькими вовсе не политическими стихотворениями, и это могло удивить даже привыкшую ко всему советскую общественность.

Материалы всех подобных дел, естественно, стремятся держать в строжайшей секретности, и многим — вопреки действующим положениям — не выдают на руки даже копии приговора. Естественно, что это возможно только при условии максимальной изоляции узников.

Кроме того, лагерная администрация содержит [таких] весьма условных "преступников" в нечеловеческих условиях: их держат на полуголодном пайке, испытывают холодом, изнуряют тяжелым трудом, постоянно унижают их человеческое достоинство. Если бы все это стало достоянием гласности, такие действия не могли бы совершаться безнаказанно.

Власти заинтересованы в сокрытии правды, а это возможно только при строжайшей изоляции подопытных этого варварского эксперимента.

Такие же "дела" у В.Стуса, Е.Сверстюка, М.Осадчего и многих других. М.Горбалья осудили на пять лет лагеря и два года ссылки за одно единственное стихотворение "Дума".

Вопрос: Что Вы можете сказать о правовом положении политзаключенных в СССР?

Иван Кандыба: Известно, что в СССР власти вообще отрицают наличие политзаключенных и нам запрещают называть себя политзаключенными. Эта традиция идет еще от царской России, только тогда политических заключенных называли "государственными преступниками", а теперь они стали еще и "особо опасными".

Разница здесь еще и та, что в СССР "особо опасных государ-

ственных преступников” стало намного больше, чем их было в царской России, и власти относятся к ним намного более жестоко.

Положение политических заключенных в СССР имеет одну важную особенность. Если считать, что в СССР действительно существует конституция, да к тому же является основным законом, тогда большинство так называемых политзаключенных осуждены в нарушение Конституции, незаконно, за одну попытку воспользоваться провозглашенными Конституцией правами. В строгом смысле слова таких людей назвать политиками действительно трудно. Однако реально существует также Уголовный кодекс, который пользование основными демократическими правами, провозглашенными Конституцией, квалифицирует как преступление, а людей, осмелившихся это делать, — “особо опасными государственными преступниками”.

Поэтому и политзаключенные оценивают себя и свои действия по-разному: кто имеет в виду Конституцию, как правило, считает себя не виновным, кто же ссылается на Кодекс, признает свою вину. Положение политических заключенных в СССР, таким образом, двойственно с самого начала.

Лев Ягман: А кроме того, такой же разрыв, какой мы наблюдаем между бумажной конституцией и реальным кодексом, существует и между положением Исправительно-трудового кодекса и реальными правами политзаключенного.

Попробую привести несколько примеров. В преамбуле основ ИТ кодекса говорится о том, что исполнение наказания не должно причинять физических и моральных страданий.*

Но как тогда понимать широко практикуемый перевод з/к в ПКТ сроком до шести месяцев, где кормят по печально известной норме “девять” ** А ведь это хорошо продуманная форма подрыва здоровья человека. Можете представить себе, что значит полгода питаться через день по пониженной норме питания, когда, по утверждению лагерных врачей (работников МВД), обычное лагерное питание через несколько лет, как

---

*Ст. 1 Исправительно-трудового кодекса РСФСР: “...Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.” (ред.)

** См. предыдущий документ наст. выпуска. (ред.)

правило, приводит к желудочным заболеваниям.

О каком непричинении моральных страданий можно говорить, когда верующих заставляют брить бороды, а тех, кто отказывается, бреют в наручниках; когда в лагере невозможно получить религиозную литературу, а имеющуюся в списках изымают при обысках; когда верующих иудеев и мусульман за ношение головных уборов в помещении наказывают.

Вопрос о переписке давно уже стал притчей во языцех. В ст. 30 ИТК говорится, что письма должны вручаться и отправляться в трехдневный срок, но администрация и представители КГБ считают, что мы должны быть довольны, если письма вообще отправляют и вручают, о сроках говорить излишне. По несколько месяцев идут письма на литовском, латышском, эстонском, армянском и др. языках. Внутри страны путешествуют письма на иврите, английском и др. языках из-за границы, причем до Москвы — 10-15 дней, за полтора-два месяца из Москвы до лагеря. "У нас нет переводчиков", — отвечают на все наши претензии. А вот почему письма на русском языке из-за границы идут месяца полтора, куда деваются десятки писем — на эти вопросы мы не можем получить ответ уже несколько лет. Очевидно, мифическое учреждение 5110 в Москве, через которое идут письма из-за границы, — организация, которая не контролируется даже Отделом административных органов ЦК КПСС.

В ИТК записано, что з/к привлекаются к труду с учетом трудоспособности и, по возможности, специальности. Однако практика, существующая в лагерях, показывает, что делается все, чтобы з/к не работали по специальности, и это в то время, когда специалистов, как правило, не хватает: инженеры работают разнорабочими, а врачи — кочегарами, филологи — токарями и т. д.

Иван Кандыба: Политзаключенные не русской национальности ущемляются в правах дополнительно. Их вывозят за пределы своей республики, в чужие края, содержат в условиях чрезвычайно далекого, сурового климата.

Даже на те свидания, которые предоставляются правом, их родственники зачастую ездить не могут.

От этого страдают уже не только политические заключенные,

но и их родственники, и семьи в таких случаях распадаются. Власти в этом заинтересованы и сознательно способствуют этому, а потом представляют это таким образом, что это происходит по политическим мотивам. Политических заключенных не русской национальности принуждают общаться с администрацией только на русском языке, а отправку и выдачу писем задерживают тоже под тем предлогом, что они написаны не по-русски. Запрещают говорить на родном языке даже с родственниками во время общих свиданий. На многочисленные просьбы и требования политзаключенных содержать их в своих республиках отвечают отказом.

Лев Ягман: Интересно, что во всех случаях, когда закон дает администрации право толкования, она решает всегда вопреки интересам з/к. Если продолжительность длительных свиданий определяется законом от 1 до 3 суток, а краткосрочного от 1 до 4 часов, то практически нет шансов получить максимум. Если в законе не оговорено право отдыхать в дневное время или загорать в специально отведенных местах — администрация запрещает это. Странно, что до сих пор не запрещается дышать — в законе это тоже не оговорено.

Иван Кандыба: Таким образом, слова о неприменении физических и моральных страданий остаются пустым звуком, а вся система содержания на том и зиждется, что политзаключенным всеми средствами и методами причиняют физические и моральные страдания и только этим и стремятся достичь своих целей.

Вопрос: Любая пенитенциарная система преследует цель перевоспитания. Какими путями пытаются осуществить эту задачу в ваших условиях?

Слава Глузман: Исправление политзаключенных в условиях лагеря означает только одно: приведение их морально-этического облика к состоянию, когда становятся безразличными любые проблемы, кроме единственной — проблемы личного благополучия. Об искренности изменившихся убеждений и вытекающих из них поступков говорить на приходится, т.к. практика осуществления законности, "гуманность" методов

лишают иллюзий и ...?... идеалов. Методами воспитания, которые определяет закон для системы МВД, добиться "исправления" политзаключенных невозможно... Более того, часто политзаключенный, разочаровавшись в прежних своих социальных симпатиях, установках, обращается к поискам в идеальной сфере, религии и т.п., но не к официальной догме.

Политико-воспитательная работа в системе МВД включает в себя проведение лекций, политзанятий, индивидуальных бесед и, конечно же, личный пример. Непосредственное руководство ею осуществляется зам. начальника лагеря по политико-воспитательной работе. Конкретные мероприятия чаще всего проводятся начальниками отрядов. Уровень этих лекций, бесед, занятий чрезвычайно низок, соответствует образованию и развитию офицеров МВД. Именно поэтому наши воспитатели нередко позволяют себе высказывания явно абсурдные и "вредные идеологически" с точки зрения текущего момента и партийной догмы, а иногда прямо подпадающие под действие ст. 190¹ УК РСФСР. Так, один из офицеров в первой же своей беседе заявил мне, что "уважает и ценит Сталина".

Закон не определяет для з/к обязательности посещения лекций и занятий. Однако на практике используется, мягко говоря, "стимулирование" этих посещений. И наоборот, одной из причин водворения в ПКТ Мешенера было неучастие его в общественной жизни и отказ от посещения политзанятий, отказ от участия в воскресниках.

Вся бессмысленность подобных методов "воспитания" становится очевидной, если учесть, что большое число политзаключенных имеют высшее образование и хорошо знакомо с общественно-политической и партийной литературой. А "воспитатели" далеко не все читают газеты.

Вероятно, с той же целью "воспитания" закон запрещает нам подписку через Союзпечать любых иностранных изданий, в том числе и коммунистических, и сугубо специальных.

Постоянные обыски, проверки, изъятия рукописей и прочее мешают систематической работе над книгами, творческой работе — в политлагерях печатное слово отнюдь не содействует "исправлению".

Однако прецеденты "исправления" политзаключенных бывают. Обычно "перевоспитываются" люди, в лагерь попавшие совершенно случайно, ранее не имевшие ни твердых мораль-

ных устоев, ни определенных убеждений, люди, которым вменяется в вину не "дело", а "слово". Но и они не скрывают от товарищей, что побудительная причина их "исправления" не в сознании "преступного прошлого", благодаря проведенной с ними воспитательной работе, она — в той же проблеме личного бдагополучия.

Иногда (очень редко) на формальное "исправление" самого себя соглашается политзаключенный, уставший от многочисленных лагерных методов, тяжелых изнурительных болезней. Следует отметить, что и администрация понимает всю формальность "перевоспитания" политзаключенного. Выйдя на свободу такие "исправленные" никогда не получают обещанного ранее: ни возможности получить высшее образование, ни прописки в том или ином городе и т.д. и т.п.

Зиновий Антонюк: Важное место в системе перевоспитания з/к ИТК отводится труду, поскольку в труде формируются все основные нравственные качества людей, такие как коллективизм, трудолюбие, уважение к труду других и т.д. Но позволительно спросить, кто из моих товарищей не сформировал этих нравственных качеств без вмешательства лагерной администрации 10-20 и более лет назад?

Лев Ягман: Я думаю, все дело в том, что закон не проводит дифференциации между людьми, осужденными за бытовые преступления, и контингентом, находящимся в политлагерях, поэтому труд из средства, способствующего перевоспитанию, превратился у нас в еще одно наказание. По отношению к труду в лагере можно выделить несколько категорий з/к. Первая — это те, которые по тем или иным причинам ищут в работе возможности забыться, не умея или не желая использовать его другим образом. Они работают ради работы. Вторые — те, для которых работа — еще одно средство выслужится перед администрацией, и, наконец, третьи, для которых работа в колонии — истинное проклятие, так как она отрывает их от интересующих их занятий, физически тяжела и дисквалифицирована, зачастую бессмысленна. Заключенных часто используют на вредных производствах, как, например, работа с полиэфирными лаками и на зачистках футляров в учр. ЖХ 385/19 в Мордовии, на ремонте отработанных фильтров с химкомбината

в учр. ВС 385/36 Пермской области. Естественно, об охране труда в условиях лагеря говорить не приходится.

Зиновий Антонюк: Да и вообще труд, ... (?) -техническое нормирование и материальное стимулирование существует с единственной целью — выжать с каждого максимум и платить ему минимум. Широко практикуется принудительное совмещение работ (без оплаты, конечно!). Продолжительность работы в ночное время ничем не регламентируется. Постоянные принуждения работать подряд две смены (без какой-либо оплаты сверхурочной работы), нет сокращенного рабочего дня на вредном производстве (или какой-либо компенсации переработок), спецпитание (как правило, сухое молоко) выдается с большими перебоями во времени и далеко не всем, кому оно положено (превращено в определенный вид поощрения). Графики смежности — чистая фикция: нет условий для отдыха второй смены (жилые секции огромных размеров, в них находятся все смены)... Теоретически, производство работает две смены, а на практике — три (вторая смена работает две смены подряд). Установленный законом минимум зарплаты отсутствует, господствует сдельная форма оплаты, но наряды на работу превращены в фикцию: выписываются в конце месяца на работы, которые администрация сочтет нужным отразить за месяц тому или иному заключенному и оплатить по никому не ведомым расценкам, имеющим сугубо волевой характер (одна и та же работа в течение месяца может отличаться даже в два раза и обязательно в сторону уменьшения). Тарификация работ по разрядам имеет ту же тенденцию: вчера работа тарифицировалась по четвертому разряду, сегодня — по третьему, а завтра — уже по второму разряду. Это — один из законных путей улучшения экономических показателей работы производства за счет осужденного. Спецодежда и спецобувь в руках администрации превратилась тоже в рычаг улучшения экономического положения.

Лев Ягман: Лагерная администрация очень не любит, когда мы проводим параллели между их методами работы и методами, которыми пользовались нацисты. Но как не вспомнить практиковавшуюся нацистами работу для заключенных

по перетаскиванию камней с места на место, когда в штрафном изоляторе ВС 389/35 политзаключенных заставляют вручную нарезать резьбу на болтах, специально для этого доставленных из соседнего бытового лагеря, где эту работу исполняют полуавтоматы. Сравните нормы: вручную — 70 болтов, а полуавтоматом — 700. Для людей, которых в течение нескольких месяцев кормят через день, — занятие не из легких. Я полагаю, что все, о чем мы говорим, достаточно ясно показывает, что труд в политлагерях абсолютно не играет никакой воспитательной роли, а служит только дополнительным средством давления, отягощая жизнь заключенного и подрывая его здоровье.

Арье Хнох: Да, именно этой главной задаче служит весь комплекс мероприятий, составляющих условия содержания з/к. Полувоенный режим с бесконечными проверками в дневное и ночное время, построение и хождение строем, проживание в казарменных помещениях по 40 и более человек в секции, государственная форменная одежда и обувь, унижительные бирки с фамилиями, которые обязан нашивать на верхнюю одежду каждый з/к, малокалорийное, однообразное питание на 43 коп. в день и т.д. А кроме того, бесчисленные ограничения: можно писать только два письма в месяц и получать неограниченное количество от любых корреспондентов, но цензура имеет право конфискации и очень широко пользуется им. Можно получить 5 кг. посылку в год, закупать в лагерном ларьке продукты на 5 руб. в месяц строго ограниченного ассортимента, но и этой возможности лишают з/к очень часто. Можно получать одно длительное (от 1 до 3 суток) и 2 краткосрочных (от 1 до 4 часов) свиданий в год с близкими родственниками, но часто родные, проделавшие одну, две, три тысячи километров, у ворот лагеря узнают, что лагерная администрация днем раньше лишила з/к этого права. Я думаю, что нет необходимости продолжать перечисление. Совершенно ясно, что на практике система политлагерей в Советском Союзе не ставит своей задачей перевоспитание з/к, она ей просто не под силу. Все свои усилия она направляет на достижение одной цели — заставить хотя бы внешне политзаключенных отказаться от своих убеждений. Если это не удается — делается все, чтобы сломать человека физически. Для этого у администра-

щи целый ряд как "законных" (как плохое питание, отсутствие нормальной медпомощи, ШИЗО, ПКТ, тюрьма), так и незаконных (тяжелая вредная работа, истощение физическое и моральное с помощью постоянных мелких придирок) средств.

Вопрос: Что вы можете сказать о представителях администрации лагеря?

Лев Ягман: На мой взгляд, отвечая на этот вопрос, необходимо всегда помнить, что, уделяя особое внимание политлагерям, государство направляет сюда свои лучшие кадры. Поэтому можно представить себе, кто "воспитывает" "бытовиков".

Преследуя, очевидно, цель повысить образовательный уровень лагерной администрации, в последние годы было произведено значительное омоложение кадров администрации политлагерей, и сейчас уже можно сделать выводы (некоторые) на этот счет. Мне кажется, что попытка с помощью юных кадров принципиально изменить обстановку в политлагерях окончилась полным провалом по двум причинам: первая связана с одновременным изменением контингента политзаключенных; вторая — с тем, что, несмотря на то, что образовательный уровень новых надзирателей и офицеров выше, чем бывших, между ними нет принципиальной разницы. Если старые, в основном, были люди без специальности, нашедшие место, где можно было без особых хлопот дожить до пенсии, то новые — это люди, которые из лени или из-за отсутствия каких-либо способностей ищут "легкий хлеб", но тех и других объединяет отсутствие идеалов, веры в то, что они делают правильное, нужное дело. Это определяет их моральный облик и влечет за собой пьянство и разврат, цинизм и полную беспринципность.

Иосиф Мешенер: Мне кажется, что более ясную картину состава администрации можно получить, если попробовать сгруппировать их по наиболее характерным признакам.

1. Садисты. Сюда относятся те, кто получает удовольствие, преследуя политзаключенных, издеваясь над ними, используя самые изощренные способы. Если лишают свидания, то после того как родственники уже выехали, посылки — после того

как она уже пришла; летом не разрешают загорать, а зимой отбирают теплые вещи. Наиболее типичные представители этой группы — капитан Бакайкин из ЖХ 385/17, Мордовия, майор Федоров из ВС 389/36, капитан Хромушин и лейтенант Чайка из ВС 389/35, Пермская область.

2. Циничные — все понимающие, но тем не менее согласные делать любые подлости. Эти обычно преуспевают. Примером могут служить зам. министра внутренних дел Мордовии полковник Николаев, заявивший з/к: "Если вас хорошо кормить, то вас из лагеря не выгонишь"; подполковник Усов (начальник ЖХ 385/19), майор Пименов (начальник ВС 389/35) — который во время месячной голодовки говорил голодающим: "Я могу вас поставить на голову, у меня за зоной 200 солдат".

3. Страдающие комплексом собственной неполноценности и пытающиеся компенсировать ее за счет з/к. Эти особенно щепетильны в вопросах, касающихся отношения к их собственной персоне. Обычно это офицеры, плохо продвигающиеся по службе, как лейтенант Булочников * и лейтенант Кузнецов из ВС 389/35, капитан Тишкин из ЖХ 385/19.

4. Довольно многочисленная группа дураков и дураков с инициативой. Прекрасные экземпляры — подполковник Вельмакин (ЖХ 385/19), у которого был единственный аргумент — наказывать; Кытманов (замполит ВС 389/35), который десять минут искал на карте еврейскую автономную область, но так и не нашел ее; лейтенант Николаев из этого же лагеря, заявивший: "Я многого добился в жизни, мне всего 26 лет, а я уже лейтенант"; капитан Журавков (начальник ВС 389/36), который счел слово "немец" ругательством. А что стоит лейтенант Байбушев из ЖХ 385/17, заявивший: "Я напишу вам характеристику, так мне и в Израиле поверят".

5. Последняя группа — это ко всему безразличные, ничего не делающие по своей инициативе (ни хорошего, ни плохого), типичные советские бюрократы. Они устраивают нас больше всего, хотя они, естественно, исполняют все, что их заставят.

---

*Булочников сам так формулирует свою цель жизни: "Провести отпуск без жены и поймать как можно больше баб, выпить как можно больше водки."

Конечно, все это деление очень условно, и в чистом виде ни один тип не встречается, но тем не менее какой-то признак является преобладающим.

Лев Ягман: Интересно, что представители КГБ, которые считают себя элитой, часто беседуя с политзаключенными, признают низкий уровень работников МВД и заявляют, что, к сожалению, кандидаты педагогических наук не идут работать в МВД. Однако их собственный уровень тоже ушел недалеко, и я думаю, что сексуально невыдержанный капитан Крапавичус прекрасно вписывается в группу дураков с инициативой, а майор Афанасов — типичный садист. И, очевидно, не случайно в местных газетах Пермской области постоянно печатают объявления о наборе кадров в системе ИТУ МВД. Никогда профессия надзирателя не пользовалась популярностью, и это факты, которые нельзя прикрыть никакими красивыми словами.

Вопрос: Какие отношения существуют между заключенными и администрацией?

Слава Глузман: В политлагерях содержатся люди различных национальностей, вероисповеданий, образования и возраста (от 18 до 70 и более). Различные условия прежней жизни на свободе, различная длительность лагерного стажа, отношение к своему нынешнему положению — все это влияет на interpersonalные связи в лагере. Всех заключенных можно разделить в основном на три категории: каратели, "бытовики" и политзаключенные.

1. Каратели — это участники акций против партизан, евреев, коммунистов во время второй мировой войны. Как правило, малообразованные, социально инертные люди, агрессивно аморальные, желающие любой ценой добиться расположения администрации. В большинстве своем являются осведомителями администрации, пользуются определенными льготами, пытаются активно противостоять борьбе заключенных за свои права. Нас сознательно содержат вместе с карателями — это важный метод психологического воздействия. Вот пример. Мой дед убит в Бабьем Яру, а здесь, в лагере, рядом со мной

спит человек, принимавший участие в этой акции, а несколько далее — душитель восстания Варшавского гетто. Один из таких же — из Белоруссии — лицо, приближенное к администрации, открыто говорит о своей ненависти к евреям, заявляет, что "не видит никакой разницы в том, кому служить — немцам или советам".

2. Бытовики — люди, ранее отбывавшие наказание в бытовых зонах и там осужденные по одной из "политических" статей к новому сроку (обычно за изготовление рукописных листовок, за татуировки "антисоветского содержания"). Прибытие в политлагерь сказывается на некоторых благотворно, пробуждает интерес к книге, к духовной жизни, даже к политике. Некоторые регулярно занимаются самообразованием; однако часть остается по своей психологии "бытовиками". Эти люди, как правило, весьма коммуникабельны. Администрация старается формировать из них осведомителей.

3. Состав собственно политзаключенных очень разнообразен. Существует по крайней мере три категории собственно политзаключенных: участники национально-освободительных движений (украинцы, эстонцы, литовцы, латыши); люди, попавшие в лагерь за "дело", и люди, попавшие в лагерь за "слово". Первые — все люди пожилые, в большинстве своем не имеющие систематического образования, прошедшие великолепный "лагерный университет". Они — свидетели сталинских беззаконий, хрущевской "половинчатости". Возраст, болезни и просто усталость заставили некоторых из них отойти от активной жизни в лагере. Однако не лишены человеческого достоинства. Психика некоторых необратимо разрушена десятками лет концлагерной жизни, и все же их не отпускают на свободу, не "прощают". Они, так называемые "старики", — хранители лагерной традиции, лагерной морали (есть и такая). Несмотря на болезни и возраст, поддерживают молодых заключенных в борьбе за свои права. Обычно держатся группами, по национальному признаку, но общаются и с остальными политзаключенными.

Попавшие в лагерь за "дело" чаще молоды, имеют среднее специальное или высшее образование и в лагере продолжают образование, активно противостоят практике беззаконий

администрации, обычно не поддаются ни воспитанию, ни запугиванию.

Некоторые попадают в лагерь за "слово". Именно у них, людей здесь случайных, и происходит наибольшая психологическая ломка в любую сторону (будни лагеря заставляют их четко определиться). Так из двух з/к, осужденных по сходным мотивам, один, "Ч", определил себе место среди сознательных и социально активных з/к; другой, "Ж", прислуживает администрации.

Не секрет и абсолютная неэффективность прямых, определенных законом методов "воспитания". Гораздо более результативными оказываются методы, стоящие вне закона, такие как шантаж и запугивание з/к и их родственников, мелкие подачки в виде посылок, более легкая работа и т.п. Администрация четко разграничивает свое отношение к различным категориям з/к.

На политзаключенных особенно активных составляют рапорты о якобы допущенных нарушениях. Их часто наказывают, не допускают к легкой работе, лишают свиданий и т.п. Каратели же не только пользуются всеми доступными з/к преимуществами, но и имеют большое количество свиданий, посылок, при малейших заболеваниях госпитализируются в лагерную больницу, в большинстве своем получают больничное питание. То же относится к осведомителям, членам "самодеятельных" организаций (СКК и СВВ).

В замкнутый мирок лагеря периодически спускается ложная информация. Это осуществляется через осведомителей с той или иной оперативной целью. Иногда эта информация носит шовинистический характер с расчетом на дробление групп, особенно молодежи (принцип "разделяй и властвуй").

В целом же могу отметить, что здесь я увидел впервые интернационализм не на словах, а на деле, прежде всего среди тех, кого называют "буржуазными националистами", и это несмотря на все многолетние и уже традиционные попытки КГБ и МВД перессорить политзаключенных разных национальностей.

Вопрос: Какие изменения в контингенте политзаключенных вы наблюдаете?

Евгений Пришляк: В годы после войны в концлагерях была довольно большая часть политзаключенных, категория которых определялась выражением "за войну". Часть из них освободилась, часть умерла, остальные сидят. Понемногу таких "преступников" судят и привозят в лагерь до сих пор — с какой целью, думаю, не секрет. Из той категории з/к до 60-х годов были, в основном, участники украинского вооруженного подполья, их родные и все те, кто материально и морально поддерживал подполье. В большинстве своем это была сельская молодежь, потом ремесленники-рабочие, потом студенческая молодежь и интеллигенция. Таким же был состав заключенных в Прибалтике. Приговоры у них были жестокие — от 10 до 25 лет, многие из них погибли в концлагерях из-за тяжелых условий. В 1957 году большинство из них было освобождено, часть освободилась по окончании срока, а оставшиеся в лагерях — люди с подорванным здоровьем и истощенной нервной системой.

После полного разгрома вооруженного подполья во второй половине 50-х годов в тюрьмы и концлагеря начали привозить другую категорию политзаключенных. В большинстве своем это были люди, выросшие и возмужавшие при советской власти, — почти все интеллигенты и рабочие. Видя и чувствуя, что в стране нет элементарных демократических свобод, они решили добиваться их и бороться за них. Последовали новые аресты и судилища. В 61 г. во Львове судили группу из семи человек (все со средним и высшим образованием) за то, что они, ссылаясь на соответствующую статью Конституции, вели пропаганду за выход Украины из состава СССР (группа Лукьяненко — Кандыбы).

В следующем году судили группу из 20 человек — организацию "Украинский национальный комитет", ставившую своей целью печатание и распространение литературы, пропагандировать идею независимости Украины. Двух из этой группы расстреляли, остальных отправили в лагеря на срок от 5 до 15 лет. Около 20 человек судили в 1965 году во Львове, Ивано-Франковске, Киеве и других городах Украины за выступление в защиту демократических свобод. В 67 году в Ивано-Франковске судили организацию "Украинский национальный фронт", издававшую и распространявшую самиздатскую ли-

тературу. Все судилища нет возможности перечислить, но отличительной особенностью этих репрессий было то, что им подвергали писателей, художников, научных работников, интеллигенцию в самом высоком смысле.

Вопрос к В.Ф.Балахонову: Расскажите, пожалуйста, каким образом вы возвратились в СССР?

Ответ Владимира Балахонова: Возвратился в СССР исключительно по личным семейным мотивам, из-за исключительно сильной привязанности к семье, особенно к дочери, являющейся самым дорогим существом на свете, так как после выезда из Швейцарии жены, взявшей с собой и дочь, я не нашел в себе сил противостоять охватившему меня в тот момент чувству тоски по дочери, отчаянию при мысли, что я ее больше никогда не смогу увидеть (жена, что, по-видимому, было связано и с ее отношением ко мне, не хотела с самого начала оставаться в Швейцарии и настаивала на возвращении). Возвращаясь в СССР, я отдавал себе отчет, что иду почти на верную гибель, если не физическую, то моральную, но сил сопротивляться стремлению быть рядом с ребенком в тот момент в себе не нашел. Отмечаю, что в Швейцарии друзья все сделали, чтобы облегчить мое тяжелое моральное состояние в тот момент, но это не помогло.

Ничего, кроме признательности, не испытываю по отношению к швейцарским властям, которые предоставили мне полную свободу в вопросе о том, остаться мне в Швейцарии или возвратиться в СССР, неоднократно заявляли мне об этом (это я подчеркивал на следствии, они знали об упорном нежелании жены остаться за границей и о моей привязанности к семье, к дочери). Швейцарцы, не запугивая, предупреждали меня о том, что мне грозит в случае возвращения в СССР тюремное длительное заключение и моральное уничтожение, желали оградить меня от этого, моя судьба — еще одно подтверждение бесчеловечности, антигуманности советской системы, без колебания жестоко сокрушающей личность, вызывающей личную трагедию, приносящей горе и страдание человеку. Хочу отметить, что на состоявшейся в Берне 11 октября 1972 года встрече с советским послом Чистяковым последний в

присутствии швейцарских властей заявил мне, что накануне, т.е. 10 октября, в Москве умерла моя мать и меня приглашают мои родственники на ее похороны. Знакомясь с материалами следствия, я установил, что 11 октября моя мать была еще жива и умерла лишь несколько дней спустя.

После того как я явился в советское посольство в Берне, для того, чтобы устранить у меня какие-либо колебания (возможности) в отношении возвращения в СССР (у меня же таких колебаний тогда и не было), мне было вручено письмо жены с горячим призывом вернуться, был организован телефонный разговор между женой и посольством, который я прослушивал.

Мне советским консулом были сделаны заверения в том, что я не буду подвергнут преследованиям по возвращении. То есть был применен обычный в таких случаях набор средств и приемов, которые не могли обмануть меня, о чем я прямо заявил послу, сказав, что я не верю в то, что будет оказано какое-либо снисхождение, а возвращаюсь потому, что не нахожу сил пережить разлуку с семьей.

После прибытия в Москву с первого же дня за мной была установлена постоянная слежка, меня несколько раз вызывали в КГБ, потребовали написать объяснения, угрожали тем, что "если я что-либо скрою, то пощады не будет". Во время этих встреч я держал себя независимо, что позже, как мне стало известно, было квалифицировано как "дерзкое, вызывающее поведение". 7 января 1973 года я был арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму (прибыл в Москву из Швейцарии 1 декабря 1972 года).

Вопрос: Существует ли у вас возможность отстаивать свои права и каким образом?

Лев Ягман: В условиях круговой поруки, существующей между лагерной администрацией и надзорными инстанциями, отстаивать свои права политзаключенного очень трудно, тем более что хозяином фактически в политлагерях является КГБ, который осуществляет контроль над деятельностью администрации и направляет ее. Решение представителя КГБ является тем законом, которому подчиняется начальник лагеря и прокурор. В этом случае никто не утруждает себя соблю-

дать хотя бы формально закон писанный. Примеров этому много.

Вот самые свежие: В.Буковский был посажен в ПКТ, практически не имея нарушений, так как КГБ решил его отправить в тюрьму, что ясно дал понять в разговоре с ним начальник лагеря майор Пименов; то же самое происходит сейчас с Павленковым, Бутманом и Мешенером. В такой ситуации борьба за свои права с помощью жалоб и заявлений в надзорные инстанции совершенно неэффективна. Реакция на них может быть получена только в том случае, когда беззакония, происходившие в лагере, становятся достоянием гласности, поэтому главным нашим оружием является гласность, которая мобилизует нам на помощь общественное мнение.

Из других методов, применяемых нами в борьбе за свои права, мне кажется интересным бойкот, которому подвергаются наиболее одиозные представители администрации. Так, почти в течение 1 года большая группа политзаключенных отказалась от общения с начальником оперчасти капитаном Хромушиным, который прославился своей грубостью и антисемитскими выходками. В борьбе против шовинизма и антисемитизма эффективно общение с представителями администрации на родном языке, что не является нарушением закона. Фактически исключает возможность администрации общаться с заключенным. В настоящее время многие политзаключенные отказались от общения с представителями КГБ, обвиняя их в организации многих беззаконий.

В тех случаях, когда администрация, не лишая нас полностью каких-то прав, старается их максимально урезать, мы отказываемся в знак протеста от тех крох, которые нам оставляют как милость. Так было с перепиской, когда в знак протеста против систематической пропажи почти 50% корреспонденции, поступающей на наше имя, группа сионистов отказалась на полгода от права написания писем. Выражая свой протест против незаконного ареста и содержания в лагере, все сионисты, содержащиеся в политлагерях Советского Союза, отказались от советского гражданства и требуют [признания] их статуса государством Израиль. В настоящее время начинают отказываться от советского гражданства и политзаключенные других национальностей — этим самым они демонстрируют свое отношение к тому, что с ними произошло.

В последнее время политзаключенные стали прибегать к еще одной крайней мере — к отказу от выхода на работу. Так было в середине мая сего года, когда около 30 з/к из ВС 389/35 отказались от выхода на работу, протестуя против незаконного лишения свидания своего товарища. Так было и в ВС 389/36, где с 23/6 около 40 заключенных отказались выходить на работу, требуя наказания дежурного офицера колонии Милентия, избившего заключенного Сапеляка.

Иван Светличный: Особого внимания заслуживает такая форма борьбы политзаключенных за свои права как голодовка.

И администрация лагеря, и заключенные относятся к ней по-разному. "Себя же калечите", — не без злорадства говорили некоторые офицеры, когда в мае-июне сего года большая группа политзаключенных, протестуя против произвола лагерной администрации, выдержала месячную голодовку. И в этих словах была солидная доля правды: такая длительная голодовка, конечно же, не укрепляет и без того истощенные лагерным питанием организмы осужденных. Это знают и сами голодающие. Если они все же идут на это, подвергая себя серьезнейшим испытаниям, так только потому, что их к этому вынуждают обстоятельства, а выбор средств борьбы мизерный. Действительно, жалобы и заявления в любые надзорные и советские учреждения стоят не больше, чем потраченные на них бумага и чернила. В лучшем случае жалующийся получит лапидарную бюрократическую отписку. А иногда и такой отписки не удостоится.

Голодовка в советском лагере, из которого заключенный даже родным сообщить не может, а о более широкой гласности вообще не может быть и речи, — голодовка в таких условиях, конечно, далеко не так эффективна, как в других странах. Однако и здесь она приносит свои результаты, и неслучайно заключенные прибегают к этому средству борьбы регулярно. Я в лагере нахожусь меньше года, а уже принимал участие в четырех голодовках. До сих пор хоть таким способом удавалось привлечь хоть какое-то внимание надзорных инстанций к положению дел в лагере. Только во время голодовки и после нее в лагерь приезжают представители высших органов и пытаются выяснить положение дел на месте, а поскольку

безобразий, творимых администрацией, в лагере всегда много, на некоторые обращают внимание и хотя бы частично стараются устранить их. У меня, к примеру, в конце 1973 года были изъяты научные записи на филологические темы. Больше полугодя я пытался выяснить их судьбу и все безрезультатно, я уже считал их совсем утраченными, но именно во время голодовки их неожиданно возвратили мне.

Вопросы, служащие непосредственным поводом к голодовке, как правило, решаются не в пользу голодающих (администрация в таких случаях никогда не идет на уступки), и кто результаты голодовок расценивает только этим, тот неизменно приходит к печальным выводам. Однако таким способом можно добиться большего, и хотя после майско-июньской голодовки отдельных частных требований администрация не удовлетворила и даже после голодовки ее участникам начала мстить всякими наказаниями, общая атмосфера в лагере улучшилась, и в своем произволе администрация стала осмотрительнее, от многих действий, противоречащих закону, стала воздерживаться.

Конечно, это происходит еще и потому, что такая серьезная акция как голодовка рано или поздно становится известной и за пределами лагеря, и некоторые круги общественности оказывают определенное воздействие на власть имущих.

Поэтому, хотя голодовка — тяжелая и рискованная для ее участников форма борьбы, пока других эффективных способов у политзаключенных совсем немного. К ней будут прибегать и впредь. Более того, ситуация в лагере такова, что обойтись без голодовок, видимо, не удастся даже в ближайшее время.

Лев Ягман: Очевидно, следует особо остановиться на самом крайнем средстве борьбы политзаключенных, применяемом крайне редко. Я имею в виду самоубийство. Дело в том, что эта форма борьбы носит не только теоретический характер. Есть в политлагере свои Яны Палахи. В июне сего года во время длительной голодовки протеста в ВС 389/35 покончил с собой заключенный Опанасенко.

Подобное намерение было и у некоторых других заключенных, и в том, что оно не было реализовано, заслуга отнюдь не администрации. Являясь противником столь крайней формы

борьбы, я тем не менее считаю, что обстановка в политлагерях создает явную угрозу осуществления новых самоубийств, предотвратить которые не удастся, как не удалось это сделать раньше.

Вопрос: Сожалеете ли вы, что судьба привела вас в политлагерь?

Зиновий Антонюк: Оценивая свою жизнь хотя бы с начала 60 гг., наблюдая за механизмом реализации так называемой "законности" по отношению к инакомыслящим, могу только сожалеть, что поздно почувствовал себя гражданином, что слишком долго ограничивался только ролью наблюдателя за социологическими процессами в советском обществе. О многих сторонах советской законности я знал только понаслышке, поэтому рад представившейся мне возможности все испробовать на собственной шкуре... *"Кто не был в ДОПРЕ, тот не гражданин"*.

Лев Ягман: Сожалею ли я? Конечно, я не испытываю особого удовольствия от того, что меня разлучили с семьей, лишили элементарных благ нормального человеческого бытия. Загнали за колючую проволоку. Конечно, все это не проходит бесследно, отражаясь на здоровье, в какой-то степени меняя характер, вносит новый элемент в восприятие мира. Эти факты стабильны. Уверен я в одном, что меня лично заключение начисто лишило той "интеллектуальной мягкотелости", в наличии которой Ленин обвинял интеллигенцию, и я не жалею об этом.

Арье Хнох: Многие годы, проведенные вдали от Родины и родных, вызывают сожаление. Но вместе с тем во многих отношениях — удовлетворен. Арест и суд надо мной и моими товарищами был одним из факторов, которые повлияли на известные изменения советской политики по вопросу эмиграции евреев.

Нахождение здесь помогло значительно лучше понять эту систему, и в этом смысле я бы многое так и не узнал, если бы уехал из Союза, минуя эти места.

Игорь Калынец: Как и каждый узник, скорблю по свободе, но, трезво оценивая нынешнюю удушливую ситуацию на Украине, предпочитаю лагеря — вслед Антоничу: "Хвалю... сукате". Оно дает мне братьев, преданность которых утверждается ежедневными испытаниями, а не богемой. И я снова вспоминаю молитву Антонича:

...молімся зоря дальнім,
Щоб нам дали на світі цім
Життя величне і страждальне.

Иван Кандыба: Я ничуть не жалею, что стал на путь, приведший меня в концлагерь, да еще и на такое длительное время.

Не могу жалеть за потерей свободы, которой не имел. Разве можно чувствовать себя свободным, сознавая, что твоя родина в неволе. Хотя здесь приходится переживать множество трудностей, чувствую себя морально лучше, чем тогда, когда формально считался свободным, но не мог способствовать улучшению судьбы моей Родины. Чем дольше пребываю в этих условиях, тем яснее сознаю, что избрал правильный путь и что настоящая свобода и полное счастье наступят только тогда, когда освободится моя родина — Украина.

Слава Глузман: Да, сожалею. Несмотря на то, что и здесь я не просто отбываю "срок наказания". На свободе я бы сумел более активно весомо противодействовать преступной эскульпации здсровых людей. Я психиатр, компетентное лицо, активно же протестуют в СССР против неоправданных эскульпаций, к сожалению, представители самых различных профессий, кроме психиатров. Здесь я лишен такой возможности. На то — объективная причина. Мой друг — Леонид Плющ — в специальной психиатрической больнице МВД. Это мой "пепел Клааса". В чем-то мои знания по специальности обогащаются и здесь. Так, в лагере я увидел садизм так сказать "in vivo" вне стен клиники! Приходится утешать себя хоть этим.

Иван Светличный: Переход от "свободы" к "несвободе" у меня не был таким резким, как у некоторых других. Многие годы до ареста я не мог найти работу по специальности, мои литературные произведения, не имея никаких антисоветских направлений, не могли быть напечатаны только из-за неприем-

лемости для официоза имени автора — короче говоря, и до ареста я был по существу вне закона. В этом смысле я с арестом потерял немного. Конечно, это трудно — по несколько лет не видеть жены, матери, близких друзей и родственников, с которыми раньше делил все радости и горечи. Кроме того, основным смыслом моей жизни были филологические занятия (а вовсе не "политика"); здесь в лагере для таких занятий, увы, нет самых элементарных условий. Все эти потери для меня невозможные.

Арест, суд, заключение и испытания, с этим связанные, привели к отсеку некоторых наивных иллюзий, способствовали более серьезному формированию нравственных убеждений — и эта жизненная школа была куда более богатая, чем раньше кабинетная. Некоторых своих друзей, не выдержавших суровых испытаний, я потерял, зато дружба с другими укрепилась, а кроме того, я приобрел друзей, о которых раньше мог только мечтать. К тому же, как литератор здесь в лагере я могу наблюдать столько разнообразных характеров, знакомиться с такими невероятными человеческими судьбами, каких на свободе я не смог бы встретить за всю свою жизнь. Мне трудно поэтому судить, больше ли я потерял, чем приобрел, или наоборот, но во всяком случае на судьбу свою я не сетую и многим моим друзьям на свободе не завидую.

Владимир Балахонов: Не сожалею. Еще только выезжая из Швейцарии, я отдавал себе отчет в том, что лишение меня свободы почти неизбежно. Однако до попадания в лагерь о возможности активной борьбы не думал, так как условия строгой изоляции, в которых я находился, а также отсутствие опыта и незнание условий жизни в лагере не давали мне возможности начать борьбу в одиночку или даже настроиться на это. Я освободился от многих ранее сдерживающих меня уз, от боязни потерять материальные блага, подвергнуться преследованиям, страха перед испытаниями, болью, страданиями: то, через что меня заставили пройти, полностью избавило меня даже от страха перед пытками и смертью. В настоящее время я испытываю духовный подъем и чувство большого удовлетворения тем, что могу быть честным перед самим собой, перед своими взглядами, принципами и убеждениями,

которые мне почти 20 лет приходилось таить в себе, а действовать и жить часто вопреки им. Считаю такой поворот судьбы, сделавший возможной для меня борьбу за свои принципы и идеалы, даже счастливым, хотя и пришлось пройти через суровые испытания.

Баграт Шахвердян: Я знал, какая судьба меня ждет. Но без жертв свободы не достанешь! Для настоящего патриота борьба за независимость своей Родины — это счастье и честь, смысл жизни. Борьба до окончательной победы! Это наш девиз! Наша форма борьбы мирная, честная, хотя против нас коварство, жестокость и деспотизм. Нас можно физически уничтожить, но победить нельзя! Хотя в концлагере мне трудно, трудно мириться с издевательствами, с принудительным, тяжелым, унижающим человеческое достоинство режимом, от своих идей и целей я не отказываюсь и не отступлюсь. Хотя я себя плохо чувствую (больное сердце, желудок и т.д.), но сила воли, стойкость, душевная энергия, надежда и мечта дают мне силы. В концлагере узнал и увидел много людей, которые сидят 25 лет и больше, молодых патриотов-демократов. Это для меня как университет жизни. Люди десятка национальностей — украинцы за независимую Украину, прибалтийцы — единственная вина которых в том, что они беспредельно любят свою Родину; евреи, которые хотят жить на своей Родине — в Израиле; молодые люди разных национальностей — за демократическое преобразование общества. Вина всех их в том, что они хотят жить свободно и достойно!

Я люблю жизнь и свободу. Я хочу иметь свободную, демократическую, единую Армению. И я не виноват, что родился здесь, что я такой. Мне непонятно, как некоторые государственные, политические и общественные деятели заявляют, что репрессии против патриотов и демократов, их арест и заключение в психбольницы, тюрьмы и концентрационные лагеря — это внутреннее дело СССР. Нам, политзаключенным, очевидна недостойная, торгашеская сделка с совестью.

Ложь и обман, будто тирания может дружно и мирно жить с демократией. Неужели до сих пор это непонятно?

Свободу политзаключенным СССР!

Свободу политзаключенным всего мира!

Вопрос: Верите ли вы в возможность амнистии для политзаключенных?

Слава Глузман: Нет, не верю. Потому что история никого ничему не учит, к сожалению.

Игорь Калынец: Нет, ибо тогда общество избавилось бы от гнетущего страха. А это катастрофично, во всяком случае для КГБ.

Иван Светличный: Нет, не верю, хотя настоящих политзаключенных в Советском Союзе сравнительно немного и всеобщая амнистия их не была бы для властей опасной. Хотя, проведя такую амнистию, власть приобрела бы немалый моральный капитал. Я привык, что власть имущие не только не руководствуются здравым смыслом, но и собственный интерес сознают туго и с большим опозданием, и потому в возможность амнистии для политзаключенных не верю, если только советских руководителей не вынудит к этому стечение обстоятельств и собственный же интерес не станет злобой дня.

Арье Хнох: Считаю, что это целиком зависит от того давления, которое может быть оказано мировой общественностью на советское руководство. В подтверждение этого могу сослаться на то, что в Союзе значительно охотнее привлекают к судебной ответственности и осуждают на более длительные сроки за так называемую антисоветскую деятельность людей, которые неизвестны на Западе. Поэтому, так как отсюда трудно судить о размахе движения за амнистию политзаключенных в Союзе, более точного ответа дать не могу.

Лев Ягман: Теоретически да, практически нет. Почему да? Я думаю, что с точки зрения здравого смысла амнистия политзаключенных дала бы, учитывая нынешнюю обстановку в мире, гораздо больше пользы, чем вреда. Почему нет? Потому что, во-первых, имеются определенные, довольно влиятельные круги, заинтересованные в сохранении существующего положения в этом вопросе, так как это усиливает их позиции, повышает их роль в государстве, в котором за всю историю

его существования ни разу не было амнистии политзаключенных. На такой шаг не так просто не только решиться, но даже и предположить его.

Баграт Шахвердян: Да, если прогрессивное человечество будет более широким интенсивным фронтом вести кампанию за освобождение политзаключенных в СССР. Нет, если Запад будет предавать идеи свободы и демократии.

Вопрос: Что вы хотите добавить к сказанному?

Лев Ягман: Я хочу еще раз напомнить, что вопрос свободы выезда из Советского Союза был сдвинут с мертвой точки только благодаря вниманию мировой общественности, привлеченному к этой проблеме массовыми арестами сионистов и последовавшими за этим судебными расправами 70-71 гг. Только благодаря протестам общественности на Западе удалось заставить советское правительство хоть в какой-то степени уважать право граждан СССР на выезд из страны. К настоящему моменту этим правом воспользовались многие десятки тысяч евреев Советского Союза и не только евреев. Поэтому надо твердо усвоить, что мы можем продолжать борьбу только в том случае, если будем находиться под неусыпным вниманием мирового общественного мнения.

Иван Светличный: Прошу передать сердечный привет Солженицыну, перед мужеством которого мы все преклоняемся.

Участники интервью:

Антонюк Зиновий Павлович, 1933 г.р., украинец, инженер-экономист из Киева, осужденный в 1972 году на 7 лет лагерей и 3 года ссылки (ст. 62 ч.1 УК УССР).

Балахонов Владимир Федорович, 1935 г.р., русский, г.Москва, работал переводчиком в метеослужбе ООН в Женеве. В 1972 году попросил политического убежища в Швейцарии. Затем возвратился в СССР и в 1973 году осужден по ст.64 УК РСФСР на 12 лет.

Глузман Семен Фипилевич, 1946 г.р., еврей, г.Киев, врач-психиатр, в 1972 году осужден к 7 годам лагеря и 3 годам ссылки (ст.62 ч.1 УК УССР).

Кальнец Игорь Миронович, 1939 г.р., украинец, г.Львов, поэт, осужден в 1972 году на 6 лет лагеря и 3 года ссылки (ст.62 ч.1 УК УССР).

Кандыба Иван Алексеевич, 1930 г.р., украинец, г.Львов, юрист. В 1961 году осужден на 15 лет (ст.56 УК УССР).

Мешенер Иосиф Яковлевич, 1931 г.р., еврей, г.Бендеры, историк, в 1970 году осужден за антисоветскую агитацию и пропаганду на 6 лет.

Светличный Иван Алексеевич, 1929 г.р., украинец, г.Киев, филолог, в 1972 году осужден к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки (ст.62 ч.1 УК УССР).

Пришляк Евгений Степанович, 1913 г.р., украинец, осужден в г.Львове в 1952 году (ст.54-1а) на 25 лет.

Хнох Арье-Лейб Гиршевич, 1944 г.р., еврей, г.Рига, электромеханик, в 1970 году осужден к 10 годам (ст.64, 70 и 72 УК РСФСР).

Ягман Лев Наумович, 1940 г.р., еврей, Ленинград, в 1970 году осужден к 5 годам лагеря по ст.70 УК РСФСР.

Шахвердян Баграт Леонович, 1940 г.р., инженер, Ереван, в 1973 году осужден по ст.65, 67 УК Армянской ССР к 5 годам лагерей и 2 годам ссылки.

Открытое письмо С.Глузмана к родителям

Дорогие мои .....

9 августа я узнал о вашей неудачной поездке ко мне на свидание. Узнал из вашего письма, до этого момента никто не говорил мне о вашем приезде. Боялись говорить, боялись реакции моих товарищей. На этот раз мне пишется нелегко. Постараюсь обойтись без эмоций, ведь бумага так легко воспламеняется.

Не знаю, как начальник лагеря описывал мои прегрешения. Я был лишен свидания за отказ участвовать в строительстве лагерной тюрьмы. Дважды меня водворяли в штрафной изолятор. Но лишь 26 июля по указанию оперативной службы КГБ меня лишили свидания. КГБ стало известно о предстоящем вашем приезде. Провокация удалась на славу. Исполнились слова Пименова в период месячной голодовки: «Теперь мы будем работать чище». Юридически все обоснованно... Только одна «мелочь» вам неизвестна: все это время имелось несколько возможностей моего трудоустройства, и я неоднократно просил об этом... Но иного требовали «интересы государственной безопасности».

Вспомните прошлый год. Ценой компромисса с самим собой я получил свидание. Незадолго до вашего письма меня направили вскапывать контрольную следовую полосу, окружающую лагерь. Попросту говоря, я занимался самоохраной.

С точки зрения заключенного, поступок аморальный. Я его совершил ради вас, не ради свидания. Это мой единственный компромисс и последний. Оперуполномоченный КГБ капитан Утырь как-то сказал, что у меня есть одно слабое место — мои родители. Он ошибается — у меня нет слабых мест. Эта роскошь для меня непозволительна. И так же, как лишен я практически права на переписку, на квалифицированную медицинскую помощь, на свидание с

родными, на достоинство человека, лишен я права на эмоции. Таковы мои лагерные будни, холодные, голодные и рассудочные.

Вы пишете о переоценке ценностей. Ежедневно и ежедневно во мне убивают и личность и живое существо. Собака, стерегущая меня за забором, получает более калорийное, качественное питание, ее не накормишь гнилой капустой или вонючей рыбой. Нынче я одет в тонкую хлопчатобумажную куртку пресловутого сталинского покроя с биркой на груди; я наголо острижен, всегда голоден, замерзаю на цементе штрафных камер, от меня требуют хождения в строю, в любую минуту меня могут раздеть донага, заставить присесть бесчисленное количество раз. Я — раб, любой садист имеет власть и право принудить меня к любому унижительному труду, я — осужденный Глузман С. Ф. Особо опасный государственный преступник. Но я не Якир и не Дзюба. Вероятно, их вы называете «главарями». Как банду. Я не обладаю способностью видеть на колючей проволоке бутоны роз, я не страдаю хроническим алкоголизмом, чтобы научиться видеть галлюцинации. В период следствия меня знакомили с «отречениями» Франко, Селезенко, Холодного. Меня «убеждали»: Селезенко сейчас напротив, в ресторане «Киев», пьет коньяк и ест шашлык, а «вы в тюрьме». Я не привык к шашлыку под коньяк, но не в моих гастрономических вкусах была причина «отречься».

Мне нужно было бы отречься от самого себя, от полученных в детстве в вашей семье моральных устоев, от дяди Льва, от твоего, отец, друга Миши Яворского, погибшего «где-то». Следователь Гунихин(?) (неразборчиво — переписчик) убеждал меня, что в годы «культы личности» не было никаких «значительных» злоупотреблений, что всего было арестовано 5 млн. человек, да и то в большинстве по бытовым статьям, что погибло «совсем не много»... Мне продолжать? Вы — свидетели 37 года...

Мне вменено в вину распространение «клеветнических измышлений» о том, что Комсомольск-на-Амуре строили з/к. Вспомните покойного писателя Абрама Когана(? —

неразборчиво — переписчик), вашего знакомого, он был участником этой великой «комсомольской» новостройки. Здесь в лагере со мной сидят участники подобных строителей. Так что же, этого не было? Вспомните «дело врачей», и его не было? Не было Гаранинских зверств, лагерных бунтов, ночных арестов? Ведь вы, не я, их современники! Недавно в нашем лагере разбирали ветхое здание, построенное в 1949 г. На потолочной балке мы увидели надпись: «25 лет каторги, осталось 12, Максимов А. Гр.». Надпись на балке — единственное, что осталось от человека. Из прежних уральских з/к почти никто не выжил. Уральскими лагерями пугали эков Норильска и Воркуты. Теперь пугают эков Мордовии.

Но даже в худшем случае мне не угрожает забвение. Благодаря моим товарищам, знакомым и незнакомым, благодаря «Хронике текущих событий». Одна такая юная свидетельница, почти девочка, так ответила на вопрос суда: «Хроника текущих событий» существует для того, чтобы людям стала известна правда о закрытых процессах, таких, как этот». Эта девочка не из числа «главарей», она даже не рядовая самиздатчица. Не стала бы моя «переоценка» предательством ее? И что мне переоценивать? Негативное отношение к культу личности, которое воспитывали у меня преподаватели в школе и институте, книги, фильмы и, наконец, официальные материалы нашей партии? Забыть о десятках лично моих знакомых, вкусивших на себе весь этот ужас современной опричнины? Я — врач, видел смерть и, в какой-то мере, привык к ней. Но я видел смерть одного, всегда одного человека, когда бессильна наука и конец неизбежен. И я представляю с трудом смерть миллионов, здоровых, молодых, юных, старых. Смерть от голода, пули, пыток. Смерть миллионов — это не одна смерть, а миллионы смертей. Ничем не оправданная гибель безвинных людей.

А прокурор задавала мне вопрос: «Почему вы так акцентируете внимание на периоде культа личности, разве у вас в семье кто-либо был репрессирован?»

А вы читаете мне в письмах нотации, вы верите словам

профессионального карателя, человека без убеждений, облегчая, тем самым, давление на меня. Он, Пименов, заявил как-то моему другу Мешенеру: «Я могу вас поставить на голову, если захочу». Именно в такой акробатике и заключается гуманизм социалистической пенитенциарной системы. Я испытываю его на собственной коже. Вчера, например, в штрафной изолятор посадили Пришляка, 62-летнего человека, мытарствующего по лагерям более 22 лет (а мне всего 27). И причиной этого акта «гуманности» послужил отказ выйти красить забор на контрольноследовой полосе. Оставим в стороне моральную сторону, полоса перед этим была вспахана, и кто может гарантировать, что человек не будет застрелен на ней «при попытке к бегству»? Такое бывало... 3 мая 1970 г., например, в Мордовии, на виду у десятков з/к, 12 выстрелов было сделано по человеку, одетому в больничное платье; по нему стреляли, несмотря на крики з/к: «Не стреляйте, он сумасшедший», несмотря на то, что после первого ранения Баранов (этот его фамилия) поднял руки. Это лишь один пример, и не самый страшный. История «Архипелага ГУЛага» знает и похлеще.

А знаете ли вы, что шаг в сторону или остановка во время пешего этапирования считается побегом (и это мой личный опыт), что в 50° мороза ночью меня укладывали в снег «на всякий случай», а надо мной рвалась на поводке овчарка? Все это — мои ценности. И нет им равных. Поэтому не будет и компромисса. Могу ли я забыть условия карцеров Харьковской пересыльной тюрьмы, изуверство конвоиров в этапных вагонах или то, как начальник конвоя «воспитывает» осужденную проститутку, уведя ее на ночь в свое купе?

Так ли все благополучно в «далеком королевстве»? Вы — коммунисты. Так почему же вам, столь заслуженным гражданам «государства социализма и демократии», не разрешили даже поверхностно ознакомиться с материалами моего дела? Почему вас не пустили на суд к собственному сыну и не дали на руки приговор?

«Интересы государственной безопасности» заключались в попытке утаить от всех то, что мне вменялось в вину? Нобелевская речь Альбера Камю, пародия на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», статья Белля из журнала «Репортер», Открытое письмо в Союз писателей СССР Арк. Белинкова. Утаить показания свидетелей, которые все однозначно говорили об отсутствии в моих действиях и высказываниях «антисоветской агитации и пропаганды». Еще до закрытия следственного дела я знал срок. Его назвал мне начальник следственного отдела подполковник Боровин Н. П.

Кстати, об убеждениях. Тогда у нас имел место и такой диалог. Б. — «У вас еще осталось время. Отрекитесь, сообщите интересующие нас сведения, и не получите 10 лет». Я — «Неужели вы думаете, что от самого факта ареста и следствия меняются убеждения?».

Б., прерывая, — «Кого интересуют ваши убеждения, не в них дело заключается».

Нужно ли комментировать эту вариацию диалога Дьявола и Фауста.

Вам тяжело, несказанно тяжело. Разрушены ваши ожидания... (неразборчиво — переписчик) вместо научной и врачебной карьеры, наконец — моя семья, все — не состоялось. Но так ли? У меня была диссертация — «Заочное судебно-психиатрическое исследование по делу Григоренко», и я благодарю судьбу за то, что холост. Оперы из КГБ, подслушивающие в лагерьном доме свиданий, не станут свидетелями моего адюльтера. Хотя бы от этого унижения я избавлен.

И я не могу «переоценивать» свое убеждение врача-психиатра и близкого друга в абсолютном психическом здоровье Леонида Плюща. Вы знаете, что в сентябре 1973 г. ко мне приезжал сотрудник центрального КГБ Дигас Георгий Трифонович. Без всякой санкции на то прокурора, тайком, я был увезен в дом свиданий ИТК-36, где в течение трех дней, без свидетелей подвергался... (неразборчиво — пер.) обработке. Сделка не состоялась, я отказался. А по всему видно было, очень хочется кому-то моей помощи. «А вдруг

Глузман согласится опровергнуть «измышления» Запада о помещении здоровых людей в советские психбольницы». И цена предлагалась не малая.

Неужели бы вы одобрили такое отречение? Вы, сознательные и честные люди, врачи? Нет, не одобрили бы. Ведь именно тогда бы я стал преступником, коллегой Эльзы Кох (? — неразборчиво — пер.) и Даниила Лунца. Я не настолько силен, чтобы переступить собственную совесть. И не настолько слаб. Здесь, в концлагере, я живу полноценной духовной жизнью, счастлив, несмотря на то, что приходится выносить. И пусть объявление голодовки — единственная возможность выказать свое достоинство перед всей мразью, окружающей меня и моих товарищей по счастью (это не описка, я действительно счастлив), и пусть отказ от строительства лагерной тюрьмы — одна из немногих возможностей доказать нравственность твоих убеждений и гражданской позиции.

Я еврей, и мое иудейство не в памяти о жертвах геноцида, о преследованиях из-за предрассудка, возведенного в догму морали, — не только в памяти. Мое иудейство в знании о сегодняшнем дне народа, имеющего государство, историю, будущее и, к счастью, оружие. Мой дед Абрам, расстрелянный в Бабьем Яру, не позволил мне никаких «переоценок». Ибо каждый сентябрь дух его возмущается, и вам известно — почему.

Родные мои! Вам очень тяжело. Понимаю, вы боитесь ждать. Но поверьте в искренность моего письма, минующего цензуру: со мной все в порядке; чтобы ни случилось впредь, я ни о чем не жалею и я действительно доволен своей судьбой. Вам трудно понять такое. Ваше поколение контужено 37 годом и последующими годами. Страх, страх, страх. Это невыносимо — бояться собственных желаний. И на следствии и на суде я с жалостью смотрел на своих свидетелей. Они говорили, запинаясь, отводя глаза, бледные. Говорили обо мне, о моих взглядах, словах, поступках, говорили из одного лишь страха, не желая мне зла, они — боялись.

Некий трансцендентный страх, кафкианский. И разве не счастье, что я лишен его, что совесть моя чиста? Разве этого мало?

Вам тяжело, но неужели вы хотите, чтобы я предал мать Яна Палаха? (Мне ведь инкриминировали и высказывания об оккупации Чехословакии в 68 году). У нее уже нет сына, навсегда нет. Так как же, если не предательством, назвать «переоценку».

Не обязательно стать платным «источником» КГБ, дать показания на своих единомышленников, достаточно и того, что сделал Дзюба.

Я вынужден заканчивать это письмо. Нет времени, меня торопят. Оно покажется вам сумбурным, что поделаешь. Мои обстоятельства действительно специфические. И не знаю, когда сумею еще раз передать вам весточку, минуя многочисленных цензоров, еще раз сказать правду о себе. Не удивляйтесь лакированности моих писем к вам, ведь я не могу ответить на ваши вопросы. Не могу писать о товарищах, даже упоминать их имена, о наказаниях, собственных болезнях, питании и многом другом. Все это является тщательно охраняемой государственной тайной.

Поэтому прощайте, родные мои. Целую вас.

Слава

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ ИЗ МОРДОВСКИХ ЛАГЕРЕЙ

*Международной демократической
федерации женщин*

Открытое письмо

В Мордовии, в числе нескольких лагерей, в которых содержатся политзаключенные, есть один особый лагерь — это лагерь для политзаключенных-женщин.

Все тяготы лагерной жизни в полной мере испытывают на себе эти женщины. Скучная пища и принудительный труд, произвол администрации и моральные унижения — вот их удел. Мы не будем сейчас писать об этом подробно: имеющий уши да слышит, а о положении в советских лагерях для политзаключенных писалось и говорилось неоднократно.

Их немного, этих женщин, всего лишь 20-30. Но сама их малочисленность накладывает на них дополнительные ограничения. Маленький клочок земли и две камеры. Камера, в которой женщины живут, и камера, в которой они работают. Это практически не лагерь, а маленькая тюрьма.

Мы, политзаключенные-мужчины, не можем быть равнодушны к их судьбе. Это не только наши товарищи по духу, это и наши матери и жены, сестры и дочери. Их боль — это и наша боль.

Мы не хотим сейчас обсуждать вопрос о справедливости и законности их осуждения. Политические споры — дело затяжное, а женщины страдают сейчас. Мы хотим лишь сказать: неужели мощь гигантского государства будет подорвана, неужели обладающая гигантским аппаратом власть будет ослаблена от того, что на свободу выйдут два десятка женщин?!

Воевать с женщинами — это не может быть признаком силы. Их необходимо освободить! Есть ли лучшая возможность для государства, провозглашающего себя самым гуманным в мире, доказать искренность своих деклараций?

Мы обращаемся к вам, женщины-демократки: требуйте от советского правительства освобождения женщин-политзаключенных. Требуйте открытой публикации материалов их дел, гласного их обсуждения, требуйте возможности ознакомления с условиями содержания женщин в заключении.

Это ваши сестры. Помогите им. Это будет не политический акт, это акт гуманности.

Октябрь 1974 года

*Любарский К., Бабич С.,
Залмансон И., Попадюк З.,
Петров (Агапов) А., Азерников Б., Пенсон Б.*

Открытое письмо во Всемирный почтовый союз

Мы, группа лиц, находящихся в советском лагере для политзаключенных в Мордовии, с удовлетворением узнали об успешном завершении работы XVIII Конгресса ВПС в Лозанне. К сожалению, условия лагеря не позволили нам своевременно узнать о предстоящем Конгрессе и лишили нас возможности обратиться к нему с настоящим письмом. Поэтому мы обращаемся к постоянно действующим органам ВПС и просим ознакомить с настоящим письмом компетентные организации всех стран — участниц ВПС. Мы хотим привлечь Ваше внимание к чрезвычайно тревожному положению, создавшемуся в настоящее время с корреспонденцией политзаключенных, находящихся в советских лагерях.

Следует с самого начала подчеркнуть, что речь идет не об ограничениях переписки заключенных, обусловленных законодательством СССР, и не о цензуровании писем заключенных. Величина квоты на письма, отправляемые заключенными, и степень суровости цензурных рамок сами по себе могут и должны быть предметом обсуждения, однако это выходит за пределы компетенции ВПС. Речь идет лишь о нарушениях Министерством связи СССР обязательств, налагаемых на него членством СССР в ВПС.

Можно со всей определенностью заявить, что недоставка почтово-телеграфных отправок политзаключенным или их корреспондентам стала совершенно массовым явлением. В зависимости от личности политзаключенного ему может не доставляться 20-50% всей его корреспонденции, а подчас и значительно больше. Известны случаи, когда доставка корреспонденции отдельным лицам вообще прекращалась на длительные сроки. Если бы письма не были доставлены по цензурным соображениям, то об этом администрация мест заключения должна была бы поставить в известность адресата, мотивировав свое решение. Ничего похожего не происходит. Десятки и сотни писем просто бесследно исчезают на пути их следования к адресатам, причем никакого объяснения этому не дается, а жалобы остаются без ответа. Ни один советский политзаключенный, ни один его корреспон-

дент, находящийся в СССР или в любой другой стране мира (в последнем случае в особенности!), не гарантирован, что его письмо, открытка или телеграмма будут доставлены по назначению.

Необходимо подчеркнуть, что все изложенное касается не только простых писем, но и отправлений, за которые почтовые ведомства всего мира несут особую ответственность: заказных писем, писем с уведомлениями о вручении, в том числе заказными, ценных писем и т.п.

В тех случаях, когда корреспонденция все же доставляется адресатам, это делается буквально в геологические сроки. Часты случаи доставки корреспонденции через несколько месяцев, через полгода и даже более, даже если это авиа-корреспонденция. Телеграммы нередко идут много дней и даже недель. Ссылки на необходимость цензурирования, очевидно, несостоятельны, так как по закону на цензурирование отводится лишь 3 дня, а цензурирование телеграммы много времени потребовать не может.

Контроль даже за такой, нерегулярно поступающей корреспонденцией невероятно затруднен предельно небрежным оформлением почтовых отправлений. Часты случаи, когда на письмах вообще не ставятся штемпели места отправления или места назначения и нельзя проверить соответствующие даты.

Уведомления о вручении нередко возвращаются незаполненными и тем самым теряют всякий смысл. Известны случаи, когда на уведомлении о вручении ставится штемпель не пункта отправки или же даже совсем иного города(?!). Случается и так, что политзаключенному вручается только уведомление без того письма, которое оно сопровождало.

Периодически вводятся все новые и новые произвольные ограничения на содержание писем. Так, в течение долгого времени не разрешалась пересылка стерео-открыток. Затем было строго запрещено пересылать в письмах вырезки из газет и журналов, даже из цензурно безупречных, например, из газеты «Правда». Запрещена пересылка знаков почтовой оплаты и бланков, причем в лагерном ларьке многие из них никогда не продаются, и заключенный физически не может

получить их иным путем. Так дело обстоит с простыми открытками, бланками уведомлений о вручении, марками некоторых достоинств и т.д.

В тех случаях, когда поступившее на имя заключенного письмо, открытка и т.п. все-таки официально не пропускается цензурой, а не просто исчезает, то и это делается противоречащим закону способом. До того момента, когда почтовое отправление вручается адресату, оно является собственностью отправителя. Поэтому, если почему-либо его нельзя вручить заключенному, оно должно быть возвращено отправителю, особенно если оно ценное. Конфискация допустима лишь в том случае, если на переписку наложен арест. Между тем, как правило, даже официально не врученное заключенному письмо отправителю не возвращается, в том числе и имеющиеся в нем вложения. Никаких компенсаций отправителю не выплачивается. При этом политзаключенный часто даже не уведомляется, от кого именно поступило на его имя конфискованное письмо.

Мы просим Вас обратить самое пристальное внимание на положение дел с корреспонденцией политзаключенных в СССР. Этого требуют элементарные нормы гуманности, этого требуют действующие международные правовые нормы. Мы просим учесть специфику нашего положения и чрезвычайную ограниченность наших собственных средств протеста. Мы нуждаемся в помощи авторитетных организаций, в чью прямую компетенцию входят затронутые вопросы.

Мы просим Вас предпринять необходимые меры через официальные каналы. Мы просим Вас также уведомить о положении дел национальные почтовые ведомства с тем, чтобы они имели возможность оказать необходимое содействие на двухсторонней основе.

По любой из поднятых проблем мы могли бы привести бесчисленное множество конкретных примеров, однако это увеличило бы письмо до невероятных размеров. Мы готовы представить их представителю любой компетентной организации по первому ее требованию.

Затронутые вопросы представляют животрепещущий интерес не только для нас, но и для многих наших товарищей,

не имеющих возможности присоединиться к нам исключительно в силу условий заключения, в которых мы находимся. От своего имени и от их имени мы и подписываем это письмо.

Б. Азерников, К. А. Любарский, Б. Пенсон.
1974 г. Мордовия, п/о Лесное, ЖХ — 385/19

Открытое письмо астронома Любарского

В Исполнительное бюро Всемирной федерации научных работников, Лондон

В Исполнительный Комитет Конгресса за свободу культуры, Париж

Я обращаюсь к Вам из советского лагеря для политзаключенных, расположенного в пос. Лесной в Мордовии (учреждение ЖХ — 385/19). Вопрос, к которому я хочу привлечь Ваше авторитетное внимание, представляет животрепещущий интерес не только для меня лично, но и для большого числа советских политзаключенных — научных работников, находящихся в лагерях за свои политические убеждения и их открытое высказывание.

В настоящем письме я не буду касаться того, в какой мере законно и справедливо судебное преследование граждан за то, что они осуществляют гарантированное им законом право на свободу слова, хотя сам по себе этот факт также должен привлечь внимание международной научной общестственности. Ответственность ученых за судьбы мира и демократии особенно велика. Вопрос этот поднимался и поднимается неоднократно, и он слишком широк, чтобы его исчерпывающе осветить в рамках письма. Выступить или нет по этому вопросу — личное дело совести каждого ученого.

Я хочу здесь привлечь внимание лишь к условиям содержания ученых-политзаключенных в советских лагерях и к тому, какое воздействие оказывают эти условия на их профессиональные качества. Среди нас есть физики и математики, биологи и инженеры, филологи и философы, и многие другие. Сам я — астроном, специалист в области метеорной астрономии и астробиологии. Каждый из нас, каковы ни были бы его политические убеждения, остается прежде всего ученым и стремится сохранить свою профессиональную квалификацию в любых условиях.

Между тем, условия содержания в лагере созданы такие, чтобы помешать этому в максимальной степени. Прежде все-

го, специалист, попадающий в лагерь, лишается возможности эффективно следить за состоянием научных исследований в его области. По советскому законодательству получение в лагере любой литературы, периодической и непериодической, изданной за пределами СССР, категорически запрещено. Запрет касается и литературы неполитического содержания, в том числе узкоспециальной, и литературы, изданной в дружественных СССР странах. Любому ученому ясно, что при таких ограничениях, особенно в условиях информационного взрыва, научный работник очень скоро перестает находиться на уровне современной науки и быстро теряет свою квалификацию. Полная дисквалификация ученого, перестающего творчески работать и следить за состоянием дел в своей области, наступает, по существующим оценкам, примерно за 3 года. Мы отбываем сроки заключения в 5, 7 и более лет. Впереди у нас — полная творческая импотенция. Нас не только временно лишают свободы. Нас навсегда лишают любимого дела, нашей профессии.

Ограничения касаются не только текущей зарубежной периодики. Даже литературу, изданную в СССР, мы можем получать только через специализированные магазины, торгующие по почте. В силу специфики книжной торговли в СССР это означает, что приобрести можно только недавно вышедшие издания, причем такие, которые пользуются малым спросом и не могут быть проданы с прилавка. Любую монографию или справочник, необходимые для работы, если они были изданы несколько лет назад, практически невозможно приобрести. Присылка же любой литературы частными лицами (даже родственниками) и организациями категорически запрещена. Страх перед печатным словом достигает таких размеров, что запрещена присылка даже газетных вырезок из советских газет!

Получение научной информации в частных письмах от коллег — метод столь модный в эпоху Возрождения и столь распространенный ныне — тоже невозможен для нас. Вероятно, в силу недостаточной образованности лиц, осуществляющих надзор за нашим заключением, письма столь «странного» содержания вызывают особое подозрение. Цен-

зурование их осуществляется долгие месяцы, и зачастую они вообще не вручаются. Особенности опасения вызывают письма из-за рубежа.

Дисквалификация научных работников ускоряется еще и чисто физиологическими причинами. Все мы вынуждены в принудительном порядке заниматься тяжелым физическим трудом, к которому многие из нас, вышедшие уже из молодого возраста, плохо приспособлены. Это не оставляет для интеллектуальной деятельности ни времени, ни сил. Питание резко недостаточное как по калорийности, так и по качественному составу (белки, углеводы, фосфор, витамины). **Состояние скрытого голода для нас обычно.** Я не останавливаюсь на этом вопросе более подробно, так как он уже освещался неоднократно в целом ряде широко публиковавшихся документов. Все это приводит к резкому снижению интеллектуального потенциала, ослаблению памяти и т.п.

Я прошу Вас и в Вашем лице ученых всего мира, исходя из чувства гуманности и профессиональной солидарности, вмешаться в создавшееся тяжелое положение. Я призываю Вас обратить внимание на судьбу Ваших коллег. Речь идет не о политических шагах. Добивайтесь для советских политзаключенных-ученых права беспрепятственного пользования научной литературой, права научных контактов. Явочным порядком направляйте своим коллегам-политзаключенным книги и журналы и научные материалы.* Добивайтесь облегчения условий их содержания.

Этого требуют интересы демократии.

Этого требуют интересы науки.

Октябрь 1974 г.

Любарский К. А., кандидат

физико-математических наук, астрофизик

---

* Овсенко—филолог из Киева, учр. ЖХ-385/19; Глезер—биолог, учр. ЖХ-385/17; Болонкин — технические науки, учр. ЖХ-385/17; Лисовой—философ из Киева, учр. ЖХ-385/3 (Мордовская АССР); Пронюк — философ из Киева, учр. ВС 389/35 (Пермская обл.); Черноглаз — почвовед, Владимирская тюрьма (переведен из учр. ВС-389/36).

Заявление

С глубоким удовлетворением я узнал об освобождении из заключения Сильвы Залмансон и Симаса Кудирки. Исправлены еще две судебные несправедливости, и их хочется поставить в один ряд с освобождением из тюремных психбольниц В.Файнберга, П.Григоренко и др. Если правительство СССР взяло курс на свертывание репрессий по политическим мотивам, это следует всячески приветствовать.

По-видимому, понятно безумие принятого ранее решения в течение двух лет (72-73 гг.) покончить с инакомыслием. Удар был действительно нанесен — прокатилась волна арестов, обысков, судов. Удар жестокий, но результаты его ничтожны. Позорные процессы Якира, Красина, Дзюбы и других продемонстрировали лишь одно:...* увы, не переводятся. Да, это наш позор, но не слава для карательных органов.

Что же в их активе? "Хроника текущих событий" выходит по-прежнему, и у нее уже есть младшая сестра — литовская "Хроника". Комитет прав человека и Инициативная группа по защите прав человека продолжают действовать. Родилась советская секция "Международной амнистии" и Организация помощи политзаключенным и их семьям. Самиздат возрождается и развивается... Еще раз подтверждено: идеи не уничтожить силой.

Именно по контрасту с 72-73 гг. разумные и достойные решения об освобождении ряда политзаключенных (причем вовсе не только по признаку их "раскаяния") следует особо одобрить. Еще раз: хочется думать, что это лишь начало пути.

Освобождение политзаключенных выгодно не только самим освобождаемым, но и правительству СССР. Это — единственный путь уничтожения "Хроники" и всего самиздата, посвященного проблеме политзаключенных. Лишите "Хронику" материала, и она исчезнет сама собой. До тех же пор, пока есть

---

* Пять слов пропущено редакцией.

политзаключенные, — будет жить и этот жалающий овод. Усиление репрессий лишь усиливает сопротивление.

Я понимаю, что освобождение политзаключенных затрагивает престиж власти. Однако при наличии доброй воли легко может быть найдено обоюдоприемлемое решение вопроса. Мотивы освобождения могут быть самыми различными. Например — мотивы чистой гуманности (болезнь, возраст, семья и т.п.), как это было в случае с С.Залмансон. Ряд дел может быть в порядке прокурорского надзора пересмотрен по существу или переквалифицирован по другим статьям УК со снижением срока. Лицам, так называемые "преступления" которых имеют чисто идеологический характер, т.е. тем, единственная вина которых состоит в неодобрении устройства или способа функционирования власти, может быть предоставлен выбор: либо отбывать заключение, либо покинуть пределы страны. В последней связи напомним, что в 20-е годы, в период куда более острой идейной борьбы, УК в качестве самого сурового наказания предусматривал именно высылку из СССР.

Очевидно, могут быть найдены и иные пути достижения поставленной цели, не роняющие достоинства правительства СССР.

Освобождение политзаключенных в СССР с одновременным прекращением новых преследований по политическим мотивам будет с пониманием встречено советской общественностью и существенно ослабит внутреннюю напряженность в отношениях власти и инакомыслящих кругов, преимущественно интеллигенции. Эти акты существенно укрепят международные позиции СССР, что особенно важно сейчас, в условиях намечающейся разрядки.

Разумеется, эти акты будут означать переход от борьбы судебно-репрессивной к борьбе собственно идейной. Но государству с действительно сильной идеологией это не должно страшить.

Я призываю правительство СССР не оставить без дальнейшего развития проявленную им добрую инициативу.

*5 сентября 1974 г.
Мордовия, ИТК-19*

Политзаключенный Любарский

Письмо Б. Азерникова

Я, Азерников Б.П., еврей, родился в 1946 году в Советском Союзе. С раннего возраста я жил в состоятельной семье. Нет, я никогда не знал, что такое голод, я никогда не жил в коммунальной квартире с 6-ю хозяйками у одной плиты. Я имел много больше, чем мог бы мечтать любой средний ребенок в Советском Союзе. Выросши, я окончил Медицинский институт, стал врачом-стоматологом, а затем поступил во второй институт — знаменитый Ленинградский институт им. Лесгафта. Счастливая судьба моего детства не оставляла меня: все, что по советским меркам является атрибутом хорошей жизни — изобилие денег, вещей, квартира, все это было у меня.

И тем не менее сегодня я пишу это письмо из советского лагеря для политзаключенных в Мордовии. Почему я здесь? Почему я не мог не быть здесь? Сегодня, в "День политзаключенных в СССР", я хочу сказать об этом несколько слов.

Началось с того, что в 20 лет я узнал, что я еврей. Нет, речь идет не о формальном знании. Формально я узнал об этом много раньше — мальчишки нашего двора давно объяснили мне, что я — жид. Но я воспринимал это лишь как ругательство, а ругаться и драться я умел не хуже их и поэтому обиды особой не испытывал.

В 20 лет я узнал, что я еврей — частица великого народа. Это открытие поразило меня и толкнуло меня к новым открытиям. Я узнал, что у нас есть великий национальный поэт — Бялик и изумительная поэтесса — Рахель. Я услышал, кто такие рабби Т..... и Иегуда бен-Галеви. Я открыл для себя, кто были Маккавеи и кто защищал Масаду. Я обнаружил, что ранее еврейская неортодоксальность и свободомыслие порождали таких людей как Борух Спиноза и Уриель Акоста. И вот тут я впервые почувствовал, что я оскорблен.

Я осознал, что меня обокрали. У меня украли мою историю, моих предков, мой язык. От меня скрыли, что я частичка своего народа, чтобы мне и в голову не пришло, подобно украинцам, литовцам, армянам, сопротивляться попыткам вогнать меня в безликую "новую историческую общность" — "советский народ". И осознание этого определило всю мою дальнейшую жизнь.

Я увидел тебя, Израиль, и услышал твой зов. Я понял, что долг мой — ответить на него и донести этот зов до моих близких, до друзей, до всех моих соплеменников, кто, подобно мне в недавнем прошлом, еще не понял, что он обкраден.

”Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя! (Иер. 51, 50). Прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего (Иер. 49, 7)”.

Нет, я не покушался на мощь Советского Союза, я хотел лишь покинуть его — ради страны, которая, какова бы она ни была, хорошая она или плохая, имеет перед СССР то для меня неоспоримое преимущество, что это страна моего народа. Однако в глазах советского правительства, некогда опубликовавшего ”Декларацию прав народов России”, одно это мое желание почти автоматически сделало меня преступником, и вот я здесь в лагере.

Человека можно посадить в лагерь, но нельзя в лагерь посадить идею. Сейчас, когда идет 4-й год моего заключения, многие и многие тысячи моих соплеменников уже едут к себе на Родину. Запутать — не удалось. Уговорить и обмануть — тоже.

Да и чем обмануть? Многие годы не сходит со страниц советских газет и журналов одна-единственная тема: судьба нескольких десятков еврейских семейств, благоденствовавших в СССР и не нашедших себе теплого местечка в Израиле. Я, как и любой другой, знаю, конечно, цену правдивости и объективности этих сообщений и сейчас не унижусь до опровержений и спора с ними. Я хотел бы остановиться на другой стороне вопроса.

Да, я знаю, что сейчас стране моей нелегко и проблемы ее сложны. Проблема алии, алии многоязычной, алии из стран с иным укладом жизни. Проблема противостояния, подчас военного противостояния враждебному окружению. Их много, этих проблем, и решение каждой из них требует упорного труда. Я вполне отдаю себе отчет, что кому-то, а возможно, и мне, с чисто материальной точки зрения придется какое-то время жить похуже, чем могли бы жить некоторые из нас в Советском Союзе. Но не понять нашим ”доброжелателям”, пугающим нас судьбой нескольких десятков неудачников, что любой из нас сменит легкую и беззаботную жизнь здесь,

в СССР, на кирку в Израиле.

Ибо этой киркой мы возделываем землю Родины.

Те же, кто возвращается назад, — пусть возвращаются. Эти люди ехали не на Родину, а на поиски легкой жизни. Они развращены средой, которая убежденно отождествляет еврея и торгашество, еврея и корыстолюбие, еврея и обман. Да, эти люди обладают всеми теми качествами, которые расхожая молва приписывает еврею. И я как еврей могу лишь гордиться, что в моей стране они не нашли себе места. "Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?" Эти слова сказал не великий пролетарский гуманист М. Горький, как утверждает советская пропаганда. Это слова рабби Гиллеля.

Вы, кто только за себя, — не езжайте в Израиль! Вас — лишь десятки, и это вновь и вновь преисполняет меня гордости за мой народ. Мой народ перенес разрушение Храма и указы Фердинанда и Изабеллы, погромы, учинявшиеся Союзом Михаила Архангела, и печи Бельзена, и он остался еврейским народом. Неужели же нас испугает радостный труд строительства Родины?

"Кто даст с Сиона спасение Израилю! Когда Господь возвратит пленение народа своего, тогда возрадуется Иаков и возвеселится Израиль (Исайя 59, 20)".

Мы спокойны за свой народ, за свою страну!

Но сегодня, в "День политзаключенного в СССР", — вспомните о тех ее сынах, кому придется еще долгие годы провести в советских лагерях, прежде чем они смогут ступить на Землю Родины. Они взывают сегодня: "Боже мой! Избавь меня из руки нечестивого, из руки беззаконника и притеснителя" (Пс. 90, 14).

Не забудем о них! Скажем сегодня в надежде вместе с ними: "На будущий — в Иерусалиме!"

Октябрь 1974 года

Борис Азерников-Янкельзон

ПИСЬМА РОДСТВЕННИКОВ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Письма Раисы Мороз

В ПЕН-клуб

Уважаемый господин председатель!

Пишу Вам вторично, но так как на первое письмо* я не имею ответа и не уверена, что Вы его получили, буду писать так, как если бы это письмо было первым.

Я обращаюсь к Вам, глубоко встревоженная судьбой моего мужа Валентина Яковлевича Мороза. Он осужден за свою публицистическую деятельность — его работы "Репортаж из заповедника имени Берия", "Моисей и Датан", "Хроника сопротивления" и "Среди снегов" суд признал антисоветскими. Разумеется, ни одна из этих работ в СССР не публиковалась, но я слыхала, что за границей они изданы.

Жестокость приговора — 14 лет лишения свободы — усугубляется тем, что суд определил необычайно длительный срок пребывания в тюрьме — 6 лет (затем следуют три года трудовых лагерей и пять лет ссылки). Не исключено, что это сделано сознательно, поскольку после первого пребывания мужа в местах заключения (давшего ему материал для "Репортажа") было очевидно, что он тяжело переносит именно тюремный режим. Из определенных ему шести лет тюрьмы он отбыл уже более четырех, из них два года в одиночном заключении.

Последние два свидания (по правилам Владимирской тюрьмы, где он находится, мы имеем право видеться раз в шесть месяцев по два часа в присутствии надзирателя) муж настойчиво повторял, что он стал бояться за свой рассудок, что ему кажется, будто стены камеры сдвигаются, что он, находясь в полном одиночестве и бездействии, лишен глав-

---

* Первое письмо — от 24 июля 1974 г. (см. "Хроника" 32).

ного утешения интеллигентного человека в таких условиях — чтения, так как он не может сосредоточиться, его снедает какое-то внутреннее беспокойство. Он объявил мне, что с 1 июля начинает голодовку, чтобы добиться перевода в лагерь — на открытый воздух, к людям. Он решил голодать бессрочно, до перевода в лагерь или до смерти, потому что он предпочитает умереть, чем потерять рассудок.

Уже два месяца мой муж голодает. И в течение всего этого времени я не имею никаких сведений о нем. Пытаясь узнать хоть что-нибудь, я слышу в ответ: он чувствует себя нормально, никаких нарушений закона относительно него нет. Так отвечают мне начальник Владимирской тюрьмы и тюремный врач. Но как можно поверить, что человек, четыре года находившийся в известной своим суровым режимом Владимирской тюрьме, страдающий анемией и два месяца отказывающийся от пищи, чувствует себя "нормально"?

Я просила, чтобы мне дали свидание с мужем или хотя издали показали его, чтобы я убедилась, что он еще жив, — мне отказали.

Я просила разрешения пригласить к мужу врача, которому я доверяю, — мне отказали.

И то и другое якобы не разрешается правилами тюрьмы.

Но даже по этим правилам заключенный имеет право раз в месяц написать письмо. Но ни в июле, ни в августе я не получила от мужа ни строчки.

Сравнительно недавно заступничество г-на Белля помогло почти в аналогичной ситуации Андрею Амальрику. И моя единственная надежда — на заступничество мировой писательской общественности, до сведения которой я прошу Вас, господин председатель, довести происходящее с моим мужем, поддержав мою просьбу Вашим высоким авторитетом.

Заранее благодарная Вам

Р.Мороз

27 августа 1974 года

Мой адрес: Украинская ССР, Ивано-Франковск, Набережная ул. 14, кв.1, Мороз Раисе Васильевне.

Адрес В.Я. Мороза: Владимир областной, учреждение ОД 1/СТ 2, Морозу В.Я.

Уважаемый господин председатель!

Меня вынуждает обратиться к Вам глубокое беспокойство за жизнь моего мужа Валентина Яковлевича Мороза.

Четыре года назад он был осужден на 14 лет лишения свободы за свою публицистическую деятельность (его произведения "Репортаж из заповедника имени Берия", "Моисей и Датан", "Хроника сопротивления", "Среди снегов", не опубликованные в СССР, но изданные за рубежом, суд признал антисоветскими). Из этих 14 лет шесть лет ему назначено пробывать в тюрьме, три года — в трудовых лагерях и пять лет в ссылке.

Уже четыре года он находится во Владимирской тюрьме, из них два — в одиночной камере. Оказалось, что муж очень тяжело переносит тюремный режим. В течение последнего года он жалуется мне на свиданиях (они даются дважды в год на два часа при надзирателе), что ему кажется, будто стены камеры сдвигаются, что он не может читать из-за какого-то внутреннего беспокойства.

С 1 июля муж объявил голодовку, добиваясь перевода в лагерь. Он решил голодать бессрочно — до удовлетворения его требования или до смерти, так как предпочитает умереть, чем лишиться рассудка.

Начиная с 1 июля я не имею о нем никаких сведений. Я перестала получать от него письма, которые прежде он всегда писал аккуратно раз в месяц (чаще не разрешается). Свидания мне не разрешили.

Начальник тюрьмы и тюремный врач на мои многочисленные запросы отвечают только, что он чувствует себя "нормально".

Я вправе не доверять ни добросовестности, ни компетентности врача, который утверждает, что человек, просидевший четыре года во Владимирской тюрьме, известной своим суровым режимом, страдающий анемией и уже два месяца держащий голодовку, чувствует себя нормально.

Я хочу пригласить для осмотра мужа и консультации врача, которому я доверяю. Но начальник тюрьмы, а затем и начальник медслужбы Управления Министерства внутренних дел отказались удовлетворить эту мою просьбу. По-моему,

даже самый страшный преступник, если он болен, имеет право обратиться к врачу, которому он доверяет. В советском Уголовно-процессуальном кодексе нет статьи, которая запрещала бы приглашение врача к заключенному. Тем не менее мне отказывают в осуществлении такого естественного права каждого человека.

Я обращаюсь к Вам, господин председатель, как к руководителю гуманнейшего международного учреждения, которое не раз помогало моим согражданам в трудные для них времена и которое пользуется всеобщим уважением и признанием. Я прошу Вас помочь мне добиться обеспечения медицинской помощи моему мужу, в которой он сейчас так нуждается.

Заранее благодарная Вам

Р.Мороз

Международной организации бывших узников нацистских концлагерей.

Уважаемый господин председатель!

Все члены Вашей организации — бывшие узники знают, сколь горячо стремятся находящиеся в лагере вырваться из него. Но мой муж Валентин Яковлевич Мороз мечтает как о величайшем благе о том, чтобы попасть в лагерь. И я обращаюсь к Вам с такой необычной просьбой — помочь ему исполнить это его желание.

В.Я.Мороз осужден за свою публицистическую деятельность. Его работы "Репортаж из заповедника имени Берия", "Моисей и Датан", "Хроника сопротивления", "Среди снегов", не опубликованные в СССР, но изданные за рубежом, суд признал антисоветскими и приговорил его к 14 годам лишения свободы (шесть лет тюрьмы, три года трудовых лагерей и пять лет ссылки). Уже четыре года он находится во Владимирской тюрьме, известной своим суровым режимом, из них два года — в одиночном заключении. Он плохо переносит тюремный режим. Последний год у него развилась боязнь замкнутого пространства, какое-то внутреннее беспокойство мешает ему предаваться чтению — главному утешению интеллигентных узников. Он стал бояться за свой рассудок.

1 июля муж объявил голодовку, требуя перевода в лагерь

— на открытый воздух, к людям. Он решил голодать бессрочно, до удовлетворения своего требования или до гибели, так как предпочитает умереть, чем потерять рассудок.

Он голодает уже два месяца. За это время я не видела его (мне отказывают в свидании) и не получила от него ни единого письма.

На все мои запросы начальнику тюрьмы и тюремному врачу — один ответ: ваш муж чувствует себя нормально. Бывшим узникам понятно, что не может чувствовать себя нормально человек, прошедший четыре года в тюрьме и столь долго голодающий.

Если он не добьется перевода в лагерь, ему грозит безумие или смерть.

Прошу Вас: всеми доступными Вам средствами помогите ему попасть в лагерь.

С уважением

Р.Мороз.

Переписка Г.Б.Пинсон, матери Б.Пэнсона

В Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза от гр-ки Пинсон Геси Боруховны, проживающей в г.Риге, ул.Бикерниеку 1, кв.13.

Я посылаю Вам это письмо, потому что отчаялась добиться справедливого решения от компетентных органов.

Мой сын Борис Пэнсон, осужденный Ленинградским городским судом в 1970 г. на 10 лет лагерей строгого режима, отбывает заключение в 19-м лагере. Он пробыл там уже больше четырех лет, и, как я знаю, он не имел никаких взысканий, ни разу не сидел в штрафном изоляторе, а я всегда получала положенные свидания с ним. Теперь он наказан, и я хочу, чтобы стало понятно: как он наказан и за что.

Стало так, что мы с сыном не стали получать письма друг от друга, как это положено: два письма в месяц - от моего сына и в неограниченном количестве ему. Мой сын мне пожаловался, что мои письма почему-то не передают, без причины их ликвидируют и даже не составляют акта об этом. Кроме того, письма от сына стали идти очень долго. Как объяснил мне сын, письма из 19-го лагеря должны уже с проверкой идти не более девяти дней, а я, бывает, получаю через три недели и позже. Бывает и так, что я совсем не получаю его писем, несмотря на то, что он их высылает. За нашей перепиской я и сын очень следим и с нетерпением ждем писем. Это наша единственная поддержка, которая, к сожалению, так ограничена. А уничтожение писем в 19-м лагере, уничтожение без всяких причин (если бы они были, о них было бы написано в акте конфискации) есть грубое нарушение прав заключенного. Из-за этих нарушений местной администрации мой сын и еще другие, у которых бесовестно уничтожают письма, вынуждены были в знак протеста объявить голодовку.

Ответственность за эту голодовку лежит полностью на местной администрации. Как еще могут бороться заключенные против произвола администрации 19-го лагеря, которая ликвидирует мало-мальские права заключенных даже на не-

счастливые два письма в месяц? Мой сын жестоко наказан за намерение нарушить границу, чтобы уехать в Израиль. А вина за это лежит на нем, хотя он не так в этом виновен: он в свое время обращался в соответствующие органы, и ему отказывали в легальном выезде. За это ему дали десять лет лагерей строгого режима.

Узнав об этих нарушениях администрации 19-го лагеря, я написала жалобу в МВД СССР, в которой как мать просила дать возможность переписываться родственникам и друзьям с заключенными 19-го лагеря и просила прекратить произвол. Эту жалобу я послала 20 июля.

А из МВД мою жалобу направили начальнику учреждения ЖХ 385/19, т.е. начальнику того же лагеря. После этого тут же начались гонения на моего сына.

Его бросили в штрафной изолятор на 14 суток. Его лишили права закупать в ларьке продукты — на месяц. Его лишили свидания (которых всего три в году). Его выдворили из 19-го лагеря в 3-ю зону (Барашево).

Мой сын пишет мне из нового места, что начальство из 19-го лагеря нашло, что он сделал будто бы нарушение в форме одежды. Это могло быть поводом для таких крутых мер?

Перед отправкой из 19-го лагеря сыну сказали, что одно мое письмо конфисковали, а о причине конфискации не сказали. Даже не сказали, от какого оно было числа.

Таким был ответ из МВД — гонения на сына. Лагерной администрации позволено систематически нарушать мизерные права заключенных, а другим, как моему сыну, за нарушения сроки дают.

24 сентября я приехала в Москву и обратилась в ГУИТУ МВД. Я знала, что ГУИТУ занимается такими вопросами, о которых я здесь пишу. Я хотела выяснить, почему лагерная администрация нарушает права заключенных, почему моему сыну за нарушение формы одежды дали целых три наказания. Почему ГУИТУ переотправляет жалобы на нарушения лагерной администрации туда, где эти нарушения происходят? Я просила, чтобы с сына сняли два наказания незаконных и дали нам свидание, разрешили сыну ларек.

В приемной ГУИТУ мне обещали, что пришлют ответ.

Ответа до сих пор нет.

Поэтому я пишу Вам и прошу Вас вмешаться. Режим, кото-

рый суд присудил моему сыну,— не в человеческих силах выдержать. Как можно было лишить его очередного свидания и ларька? Почему его разлучили с товарищами? Или товарищей надо выбирать по вкусу стражи?

А может, лагерное начальство и ГУИТУ могут безнаказанно мстить нашим заключенным детям за то, что матери вступаются за их права?

Даже если это так, то пусть незаконное останется одно наказание, но пусть ему вернут свидание и ларек.

17 октября 1974 г.
г. Рига

Мать Б.Пэнсона (Г.Пинсон)

* * *

СССР

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ

Главное управление
исправительно-трудовых
учреждений

"23" 10 1974 г.
№ 6/3 — Ж — 14107

Гражданке Пинсон Г.Б.
г. Рига, ул. Бикерниеку
дом 1, кв.13

Ваше заявление, адресованное в ГУИТУ МВД, рассмотрено. Установлено, что Ваш сын, осужденный Пэнсон Б.С., за систематические нарушения режима в местах лишения свободы обоснованно, в соответствии с законом неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям. В связи с этим просим Вас оказать на него положительное воздействие.

Что касается одного из Ваших писем сыну, то оно действительно было задержано цензурой и конфисковано по известным Вам соображениям.

Заместитель начальника отдела *Е.В.Анастасов*.

Знаю, что существует такая замечательная организация, пекущаяся о правах человека, которая занимается судьбой политзаключенных. Она заслуживает одобрения за ее заботу о людях в трудный для них период.

Но в СССР мало что могут делать эти организации, ибо советские лагеря изолированы и настолько "конспиративны", что истину вряд ли узнаешь. Я обращаюсь к Вам, потому что мой сын Борис Пэнсон сидит в одном из них за то, что не желал жить в СССР, а желал устроить свою жизнь в государстве Израиль.

Он никого не убивал, не грабил, не выступал против советского строя. Он сидит за то, что пытался уехать нелегальным путем из-за того, что легальным путем было совершенно безнадежно. За это Ленинградский суд в 1970 году приговорил его к 10 годам лагерей строгого режима. Это значит, что мы на долгий срок оторваны друг от друга. Режим, который он получил, не в человеческих силах выдержать. Чрезмерная строгость доконает человека. Наказывают в лагере за каждую мелочь, а недавно, как будто за нарушение форменной одежды, моего сына лишили свидания со мной, пользования ларьком на месяц и еще 14 суток держали в штрафном изоляторе. Этого показалось мало, и его отправили в другой лагерь, чтобы расстроить дружбу с товарищами. По-видимому, даже товарищей нужно выбирать в лагере по вкусу администрации.

Не лучше и с письмами. За малейший повод или просто из подозрения их ликвидируют или заставляют переписывать.

Передачи может заключенный получить после половины присужденного срока. И должен заключенный ходить перед начальством "на цыпочках", иначе и этого не получит.

Работать приходится тяжело. Паек скудный, еле-еле хватает. На погрузку леса ночью поднимают, часами приходится стоять на проверке. Пока всех заключенных проверят, много времени уходит. Заключенный только то и знает: работу да проверку в любую погоду.

По радио я часто слышу передачи о правах человека, а в лагерях все строже да хуже.

После тяжелого несправедливого приговора я начала в пределах СССР всюду писать — в Верховный Суд и Генеральному

прокурору: "Как же за желание уехать из СССР нелегальным путем такой неслыханный срок?" Я думаю, Вам будет любопытно, что мне прокурор Солонин на приеме ответил: он сказал, что мой сын такой преступник, что "на коленях придется ему доползти до Верховного Совета, пока он добьется снисхождения. Своим горбом ему придется искупить свою вину". Я спрашивала у прокурора, что мой сын такого сделал, кроме того, что хотел уехать. Он что, диверсиями занимался против власти? Или человека убил? А в ответ: "Я Вам уже сказал", и повторил то же самое. Положил руку на папку: значит, время приема истекло.

А один прокурор мне так и сказал: "Было бы это дело раньше, он (это о сыне) теперь бы ложку не держал".

В приеме к Руденко мне было отказано. После всего этого я потеряла надежду на скорую встречу с сыном: на коленях ползти за милостью! За что? За то, что он не чувствует за собой никакой вины?

За облегчение положения людей США готовы для СССР поступиться многим, лишь бы звучало слово "либерализация". Мы пока не чувствуем этой либерализации. Особенно не чувствуют это в лагере, где сын.

Тех, кому освобождаться, иногда до выхода домой на полгода запирают в штрафном изоляторе. А пока идут разговоры о "либерализации", СССР заключает договоры с частными фирмами США.

Освобождение Сильвы Залмансон вызвало большое доверие в западном мире как акт гуманности. Но вместе с Сильвой были осуждены по тому же делу 10 человек, и их вина не больше. Почему их еще держат? Почему эту гуманность не применяют к остальным?

У всех осужденных старые больные родители, маленькие дети... Мы, родители, очень нуждаемся в своих детях. Я — одинокая мать. Моя единственная поддержка — мой единственный сын.

Мы с надеждой просим Ваше благородное общество о помощи в быстрейшем освобождении наших детей.

27 октября 1974 г.
г.Рига

Мать Б.Лэнсона (Г.Пинсон)

*Министерство внутренних дел
Главное управление исправительно-
трудовых учреждений
Зам. начальника отдела
Е.В.Анастасову
от гр-ки Пинсон Г.Б., проживающей
в г.Риге по ул.Бикерниеку, 1, кв.13*

Я совершенно не согласна с Вашим ответом (от 23.10.1974г. за № 6/3-ж-14107) на мою жалобу о незаконном наказании моего сына Бориса Пэнсона в 19 лагере и необоснованной конфискации писем.

За все время, т.е. за 4 года заключения, администрация 19-го лагеря не наказывала его и не жаловалась на сына. Вы же пишете, что мой сын "неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям" за "систематические нарушения режима". На самом деле гонения на сына начались из-за моей жалобы по поводу конфискации писем. Как ответ на жалобу была придирка к нарушению формы одежды. Его лишили свидания, ларька и водворили на 14 суток в ШИЗО.

Любое из этих трех взысканий соответствует ли тяжести проступка? Требование такого соответствия содержится в ст. 34 ОИТЗ. Известно ли, что "нельзя за один и тот же проступок налагать более одного взыскания" (см. Комментарий к ОИТЗ, М. 1972 г., стр. 133)?

По-видимому, ни в 19-м лагере, ни в ГУИТУ это не известно. Иначе я не получила бы в ответ на мою жалобу о жестокости к моему заключенному сыну издевательского ответа от Вас: даже не вникнув в то, что я жаловалась на отмену свидания, Вы предлагаете мне "оказать положительное воздействие" на сына.

Далее я писала о незаконной конфискации писем. Вы указываете на единственный случай. Но даже и в этом случае в акте не указывалась причина конфискации. Из Вашего письма я могу только догадаться, что заключенному в советском лагере нельзя писать об обвинении президента США в нарушении американских законов и вынужденном выходе в отставку. Из тех же цензурных соображений, наверно, нельзя было этот запрет указать как причину конфискации. Так, что ли?

У меня нет ничего другого, как просить Вас разобраться,

наконец, в моих жалобах по существу вместо того, чтобы покрывать беззакония лагерной администрации. Я надеюсь, что моему сыну будет возвращен ларек и свидание. В связи с последним у меня обоснованное беспокойство: не будет ли так, что Вы разрешите задержанное краткосрочное свидание и отодвинете по времени личное?

Я прошу Вас вернуть нам с сыном это свидание, но не использовать эту задержку в ущерб срокам личного свидания.

*26 октября 1974 г.
г. Рига*

Г.Линсон

ДОКУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Письмо А.Д.Сахарова

*Генеральному секретарю ЦК КПСС
Л.И.Брежневу*

В защиту политзаключенных

Я вновь обращаюсь к Вам. Нельзя допустить, чтобы на нашей земле, хотя и на той ее части, которая отделена от Вас колючей проволокой и тюремными стенами, продолжалось бессмысленное и жестокое подавление человеческого права и достоинства. Нельзя допустить гибели мужественных и честных людей.

В этом письме я пишу о политзаключенных. Но лагерно-тюремный мир, который их убивает и калечит физически и духовно, — это также мир миллиона заключенных всех категорий, и все они в той или иной степени тоже его жертвы.

Четвертый месяц продолжается бессрочная, смертельная голодовка, объявленная первого июля украинским писателем Валентином Морозом. Мороз повторно осужден на четырнадцать лет лишения свободы. После двух лет ужаса одиночной камеры Владимирской тюрьмы, опасаясь за свой рассудок, он требует перевода в лагерь, к живым людям. Судьба Мороза вызывает тревогу во всем мире. Десятки людей в Канаде, США и Австралии голодали в его поддержку. Крупнейшие общественные и политические деятели этих стран выступили в его защиту. Прошло четыре месяца с тех пор, как я обратился к Вам с просьбой облегчить судьбу Валентина Мороза. Сейчас борьба этого человека, протекающая в полной изоляции от внешнего мира, дошла до той стадии, когда в любой момент может наступить трагический конец.

2 октября в Казахстанском лагере объявил голодовку немец Г.Абель. Он осужден за активное участие в движении за репатриацию немцев в ФРГ. Его требования: защита прав немецкого населения в СССР, вмешательство правительства

и общественности ФРГ в судьбу немцев-политзаключенных, право на репатриацию. Абель болен бронхиальной астмой. Его семья, как и семья Мороза, подвергается неприкрытому давлению органов КГБ.

7 октября в 17 лагпункте Мордовии объявил голодовку Кронид Любарский — кандидат физико-математических наук, астрофизик. Его требования относятся к вопросу, жизненно важному для всех политзаключенных, для каждого читающего заключенного, стремящегося сохранить интеллект, — к праву на чтение (речь идет о советской подцензурной литературе). Инструкции и произвол бессмысленно жестоко ограничивают это право, которое часто было единственным спасением для многих оказавшихся в заключении. Ограничение возможности читать, научных занятий и самообразования, дающегося книгой и только книгой, так вопиюще противоречит духу гуманности и закона, что об этом даже странно говорить. Любарский тяжело болен. У него удалено четыре пятых желудка, поражена поджелудочная железа, тяжелейшая гипертония; голодовка и искусственное питание для него смертельно опасны. Вмешайтесь в его судьбу, спасите ему жизнь. Способствуйте отмене позорящих нашу страну изуверских ограничений свободы чтения в лагерях и тюрьмах. Не должно быть ограничений ни в хранении, ни в выписке и присылке книг. Книжные бандероли не должны включаться в лимит, которого и без этого так недостаточно для поддержания здоровья заключенных, непрерывно страдающих от недоедания, плохой пищи и холода.

16 октября в Мордовском лагпункте особого режима бессрочную голодовку объявил украинец Иван Гель (повторно осужденный по политическим мотивам). Его требования: определение статуса политзаключенного и допуск к опеке над ними представителей Международного Красного Креста, выделение медицинской службы лагерей из ведения МВД, регистрация брака с женой, от которой он имеет ребенка (от этого зависит право на личное свидание).

В последнее время стало известно о длительных голодовках арестованных за религиозные убеждения баптистов Г.Винса и Здоровца.

Широкий отклик во всем мире получили имевшие место в этом же году беспрецедентные длительные коллективные

голодовки политзаключенных Пермских и Мордовских лагерей — с требованиями соблюдения права переписки и свиданий, уважения убеждений и личного достоинства заключенных, отмены новых жестких инструкций, в том числе приказа МВД № 020. Во время этих событий проявились удивительный героизм и дисциплинированность политзаключенных и одновременно неповоротливость и жестокость администрации. В ходе этих голодовок погибло двое заключенных. Почти единственным ответом администрации на голодовки явились репрессии.

Факты героической борьбы, о которых я пишу, неопровержимо свидетельствуют об остроте проблемы положения политзаключенных.

Политзаключенные СССР — это жертвы идеологической (в частности — антирелигиозной) нетерпимости, политических предрассудков и жестоких традиций строя, часто просто стечения случайностей, бросивших их во власть бюрократической и бездушной судебной машины. Особое место среди политзаключенных занимают люди, сознательно посвятившие себя защите других. Я напому Вам здесь некоторые имена, которые стали во всем мире символом борьбы за права человека против произвола и беззакония. Это — Владимир Буковский, Леонид Плющ, Семен Глузман, Рещат и Мустафа Джемилевы, Игорь Огурцов, покойный Юрий Галансков.

Я прошу о Вашем немедленном вмешательстве — удовлетворение требований Мороза, Любарского, Абея, Геля спасет им жизнь. Необходимо предупредить трагедию.

Я прошу Вас вновь рассмотреть вопрос о полной амнистии политзаключенных, в том числе узников психбольниц, об облегчении режима и сокращении срока заключения для заключенных всех категорий.

Такие решения будут иметь большое гуманное значение и в огромной мере способствовать международному доверию и духу разрядки, смывая с нашей страны позорные пятна жестокости, нетерпимости и беззакония.

С уважением

24 октября 1974 г.

Андрей Сахаров, академик

Кронид Любарский — отправлен в тюрьму

Дополнительные политические репрессии для отбывающих наказание в лагерях — перемещение в тюрьму за "нарушение" режима.

Сейчас во Владимирскую тюрьму направлен Кронид Любарский, месяц назад — Михаил Макаренко.

В каждом случае нарушение режима выражается в попытках отстоять хотя бы те ничтожные права, которые оговорены Исправительно-трудовым законодательством.

Кронид Любарский отстаивал право отправлять и получать письма — в пределах тех жестоких ограничений, по содержанию и количеству, которые допускаются законом. Он писал заявления, жалобы, устраивал голодовки, протестуя против того, что письма к нему и его товарищам по лагерю часто необоснованно конфисковывались, а то и просто "пропадали"; то же нередко случалось и с письмами, отправленными из лагеря.

Последняя голодовка Любарского — требование вернуть ему те книги, которыми он пользовался до перевода из лагеря № 19 в лагерь № 17 (этот перевод — тоже репрессивно-"воспитательная" мера). Книги были возвращены (!), и почти сразу же — решение суда: "за систематическое нарушение режима" — Владимирская тюрьма до конца срока.

(Любарский находится в заключении с января 1972 г., приговорен в октябре 1972 г. к 5 годам лишения свободы в лагере строгого режима за хранение самиздатской литературы, передачу нескольким знакомым.)

Любарский — больной человек: у него вырезана большая часть желудка и двенадцатиперстная кишка, он перенес левосторонний паралич, подвержен внезапным обморокам и парезам; за время пребывания в заключении его зрение угрожающе ухудшилось, потребовались очки с девятикратным увеличением.

Пребывание во Владимирской тюрьме, славящейся особенно голодной "диетой", сырыми, холодными, плохо освещенными камерами, — губельно для здоровья Любарского...

Я выражаю свой протест, глубокое возмущение новыми

репрессиями в отношении Любарского.

Кронид Любарский — мирный человек, ученый, "виновный" исключительно в свободомыслии.

Я призываю людей доброй воли, в первую очередь — ученых, не прекращать борьбу за жизнь Любарского, за его право писать, читать, думать, творить.

Я призываю "Международную амнистию" и другие гуманистические организации систематически разоблачать те бесчеловечные условия, в которых находятся политические заключенные — заключенные за убеждения — в СССР. Режим "исправительно-трудовых" учреждений достаточно выразительно описан даже в соответствующем законодательстве... О действительном положении в местах лишения свободы — свидетельствуют люди, испытавшие или испытывающие этот режим на себе. Свидетельствуют, несмотря на те новые репрессии, преследования, издевательства, которым они за это подвергаются.

Я призываю "Международную амнистию" добиваться инспекции — ее представителями, представителями "Международного Красного Креста" — мест лишения свободы в СССР, в первую очередь — Владимирской тюрьмы.

26 октября 1974 г.

Ланда М.Н.

Московская обл., г.Красногорск

ЗАЯВЛЕНИЕ

Инициативной группы защиты прав человека в СССР.

По решению административного суда от 16.X.74 г. из Мордовского лагеря во Владимирскую тюрьму переведен Кронид Аркадьевич Любарский.

К.А.Любарский, 45 лет, ученый-астрофизик, автор около 40 научных работ человек высокой культуры и гуманист, был арестован 14 января 1972 г. за распространение и хранение "антисоветской литературы", осужден по ст.70 на 5 лет лагерей строгого режима и направлен в лагерь в Мордовию.

В лагере Любарский неоднократно подвергался внутрилагерным репрессиям: был лишен первой и единственной посылки, дважды его помещали в ШИЗО (карцер), каждый раз на 15 суток, а также на 6 месяцев в ПКТ (лагерная тюрьма).

Причина репрессий: выступления в защиту прав заключенных; попытки передать на волю сообщения о царящих в лагере беззаконии и произволе администрации; несколько голодовок-протестов (протест против конфискации писем лагерной цензурой); последняя голодовка, перед самым судом, явилась протестом против лишения его книг.

Мы не знаем, какие обвинения предъявлялись Любарскому, — лагерные суды вершатся тайно, в них не участвует даже адвокат. Но мы, зная Любарского, можем ручаться, что он не совершил ничего, что могло бы считаться преступлением по нормам правового общества. И, видимо, преступление совершается над ним.

Любарский — тяжело больной человек. У него проведена резекция 4/5 желудка и 12-перстной кишки с травмой поджелудочной железы; он страдает нарушением мозгового кровообращения (был левосторонний паралич) и частыми обмороками; у него крайняя степень истощения, очень сильная близорукость (-9) — за время пребывания в лагере зрение значительно ухудшилось.

Тюремное питание (еще хуже лагерного), тюремное содержание, тюремное освещение (23 часа электрического света, 1 час — солнечного) — все это измывательство, едва переносимое здоровыми людьми, в применении к больному человеку превращается в искалечивание и умерщвление.

30 октября 1974 г.

*Татьяна Великанова
Григорий Подъяпольский,
Сергей Ковалев Татьяна Ходорович*

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ 30 ОКТЯБРЯ 1974

Заявление А.Д.Сахарова

Эта пресс-конференция созвана для того, чтобы обратить внимание мировой общественности на тяжелое положение политзаключенных в СССР.

Сегодняшний день для пресс-конференции выбран не случайно — день 30 октября политзаключенные Мордовии и Урала объявили как "День политзаключенного". Нам еще не известно, что происходит сегодня там, за колючей проволокой. Но мы уверены, что сегодня, как и всегда, политзаключенные вновь подтвердят свое человеческое достоинство и чувство внутренней правоты.

Организаторы этой пресс-конференции рассматривают ее как выражение солидарности с советскими политзаключенными. Мы рассчитываем при этом на широкую поддержку международной общественности.

С большим удовлетворением мы отмечаем присутствие на этой конференции наблюдателя от Международной Амнистии. Мы ознакомим Вас с некоторыми документами о положении политзаключенных.

Это положение характеризуется сегодня следующими чертами:

1. Политзаключенные осуждены за действия, убеждения и намерения, которые в демократической стране не могут служить предметом преследования.

2. Сроки заключения непомерно велики, это, как и большая часть нижеследующего, относится также и к другим категориям заключенных.

3. Все обстоятельства, относящиеся к быту, режиму, условиям работы, питанию, практике внутривяземных репрессий и особенно к борьбе заключенных за свои права, тщательно скрываются. За всякую ставшую известной попытку сообщить на волю следуют жестокие репрессии.

Мировая общественность должна обратить особое внима-

ние на то, что за все время Советской власти в тюрьмы и лагеря СССР никогда не допускалась ни одна международная организация. Стремление к сохранению тайны само по себе является неопровержимым симптомом крайне неблагоприятного положения.

4. Питание заключенных плохое и недостаточное, крайне мало жиров и белков, почти нет витаминов. Это положение не может быть исправлено бандеролями и посылками (последние разрешаются со второй половины срока), количество их крайне мало и строго ограничено по числу и весу. Запрещена посылка лекарств, витаминов, чая, кофе, какао, шоколада, сухокопченной колбасы и др. Деньги на ларек строго ограничены: в месяц в лагере 4 рубля, во Владимирской тюрьме — 3 рубля, из этих денег з/к должен смочь купить мыло, зубной порошок и др., а также конверты и бумагу.

5. Очень широко и бесконтрольно применяются репрессии — лишение свиданий и переписки, ШИЗО, ПКТ, перевод в тюрьму, лагерный суд и новый срок.

6. Работа является обязательной для заключенных, нормы выработки очень велики, условия труда тяжкие, техника безопасности отсутствует. Невыполнение нормы является поводом для репрессий.

7. Плохая система медобслуживания, которая находится в ведении МВД и часто соблюдает интересы своего ведомства, а не больного.

В СССР не существует официального статуса политзаключенного. Убеждения не уважаются и не признаются за з/к. Это усугубляет тяжесть положения политзаключенного и делает более жестокими внутрилагерные репрессии по отношению к нему.

Странно и необоснованно в нашей стране положение политзаключенных после отбытия ими наказания. Зачастую они не имеют права вернуться на прежнее место жительства. Они подвергаются надзору, ограничениям в выборе работы. Очень часто они подвергаются повторным арестам и судам с особо тяжелыми повторными сроками.

30 октября 1974 года

А. Сахаров

Заявление Инициативной группы защиты прав человека в СССР

Стало известно, что узники нескольких лагерей Мордовии и Пермской области объявили сегодняшний день — 30 октября — "Днем политзаключенных в СССР".

Мы просим журналистов и независимые информационные агентства широко сообщить об этом и вновь напомнить своим читателям о страданиях наших друзей в тюрьмах, психиатрических больницах, лагерях и об их трудной борьбе за свое человеческое достоинство.

Мы просим также передать эти сведения международным организациям, провозгласившим своей целью заботу о правах личности на основе Всеобщей декларации.

Мы надеемся, что многие люди в разных странах не останутся безучастными к этим страданиям и этой борьбе и поддержат политзаключенных Советского Союза.

Понятие "политический заключенный" официально не употребляется у нас в стране; напротив, власти утверждают, что политических заключенных в Советском Союзе нет. Те, кого повсеместно называют политическими заключенными, осуждены по Уголовному кодексу как "особо опасные государственные преступники" или "преступники против порядка управления". Вероятно, одна из главных причин этого — лицемерно организуемые властями требования освободить политических заключенных в других странах. У нас же — некого освобождать.

Между тем, в судах звучат политические обвинения в распространении клеветнических измышлений, порочащих строй с целью подрыва или ослабления власти. Эти обвинения касаются значительной и все увеличивающейся части политзаключенных, так или иначе связанных с неподцензурной литературой — самиздатом, прямо не запрещаемой законом. Не известен ни один случай, когда бы в суде было доказано или хотя бы подробно исследовано обвинение в клевете. Этот цинизм наших следственных органов и судов стал уже общеизвестным и привел к тому, что в нашей стране уголовно наказуемы такие естественные проявления элементарной творческой активности, как информационный обмен, стремление составить собственное мнение по сколько-нибудь острым социальным вопросам. Создалось парадоксальное положение

— суды приписывают человеку политические цели, но, осудив его за них, объявляют уголовным преступником. Таким образом, эта группа политзаключенных — лица, репрессированные не за какие-либо политические акции или, тем более, преступления, но в угоду политическим целям самих властей, не гнушающихся противоправными действиями, чтобы подавить независимую мысль.

Другая многочисленная категория политзаключенных, также репрессированных по политическим мотивам властей, — люди, осужденные в связи с религиозными убеждениями, свобода которых официально провозглашена. Они осуждены за проведение богослужения в незарегистрированных религиозных общинах, изготовление и распространение религиозной литературы, подготовку детей к причастию и т.д. — то есть чаще всего за действия, прямо предписываемые религией или непосредственно вытекающие из ее основных догматов.

Очень многие сидят за то, что добивались для себя и других разрешения покинуть СССР, или за попытку бежать из страны.

Наконец, в лагерях очень многочисленны представители национальных движений, преследующих весьма различные цели, например, возвращение на родину после принудительной депортации (крымские татары) или предоставление большей культурной независимости (украинская культурная оппозиция).

Наряду с представителями таких движений в лагерях находятся люди, совершившие прямые политические акции. Например, выступавшие с требованием выделения своей республики (Украина, Прибалтийские республики) из состава Союза на основе права наций на самоопределение — права, декларированного в Советском Союзе, но не обеспеченного законной процедурой реализации.

Общее число политических заключенных в Советском Союзе в условиях строгой секретности официальных сведений точно определить нельзя. Только в трех лагерях Мордовии и двух Пермских лагерях содержится около тысячи человек.

Нет определенных сведений о других лагерях Советского Союза, где тоже, несомненно, содержатся и политические заключенные. Нельзя учесть количество политзаключенных, содержащихся в так называемых лагерях "общего типа", — осужденных за "преступления против порядка управления"

(ст.190¹ УК РСФСР), многих верующих, осужденных, например, за отказ от службы в армии или (на малые сроки) в связи с другими религиозными проявлениями. Кроме того, известны случаи сфальсифицированных обвинений неугодных властям лиц по *чисто* уголовным или бытовым статьям УК (наиболее известный, но далеко не единственный пример — осуждение А.Фельдмана за хулиганство). Учитывая все это, можно думать, что действительное число политзаключенных во много раз превышает приведенную нами цифру.

Мы не будем говорить о режиме содержания заключенных. Подробные сведения о нем содержатся в заявлениях самих заключенных и других лагерных материалах, которые мы сочли своим долгом опубликовать. Такие сведения приведены также в недавно выпущенном А.Н.Твердохлебовым сборнике "О содержании заключенных".

Укажем только, что вопреки лицемерному утверждению ИТК РСФСР о том, что лишение свободы не имеет целью причинение физических или нравственных мучений, тот же самый кодекс и другие регламентирующие режим в местах заключения инструкции и приказы предусматривают *наказание голодом*. В карцерах, при и так полуголодном существовании, заключенные получают горячую пищу *через день*, а через день — только *хлеб и воду*. По тому же кодексу заключенные в карцере не получают постельного белья, значит, и одеяла на ночь. Но ни в каком кодексе не сказано, что многие карцеры *не отапливаются*.

Лучшее доказательство бесчеловечности режима заключения предоставили сами власти — сообщение любых сведений о внутреннем распорядке, условиях труда и жизни в лагерях *категорически запрещено*.

Сегодня наши друзья в нескольких мордовских и пермских лагерях объявили однодневные и двухдневные голодовки.

Известны некоторые требования голодающих. Среди этих требований: признать статус политзаключенного; отделить от политзаключенных военных преступников и уголовников; отменить ограничения в переписке, в том числе с границей; отменить принудительный труд и обязательное выполнение нормы; отменить ограничения в посылках и передачах; обеспечить полноценное медицинское обслуживание с участием специалистов, в том числе иностранных; выделить медицин-

скую службу из подчинения МВД; обеспечить возможности творческой работы литераторам, ученым, художникам; увеличить число свиданий с родственниками; разрешить свидания с друзьями; разрешить регистрацию браков; разрешить говорить на родном языке в лагере и на свиданиях.

Передавая журналистам сведения о лагерях и, главное, документы, с немалым трудом и огромным риском переправленные заключенными на свободу, мы просим помнить о том, что их авторам угрожает месть карательных органов. Наши друзья сознательно идут на этот риск. Публикация заявлений и писем — их воля, попытка оградить их от жестокой кары — долг тех, кто на свободе, — наша и ваша обязанность.

30 октября 1974 г.

*Инициативная группа защиты
прав человека в СССР:*

*Татьяна Великанова, Сергей Ковалев,
Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович*

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Исключительные обстоятельства вынуждают меня просить Вашей срочной помощи. Дело касается судьбы одного из выдающихся борцов за права человека в СССР, члена Инициативной группы защиты прав человека, активного участника движения за национальные права крымско-татарского народа — Мустафы Абдульджемиля (по паспорту в русской транскрипции — Джемилева).

В июне с.г. Мустафа осужден якобы "за уклонение от явки на военные сборы" к одному году лишения свободы. Этим осуждением была завершена серия незаконных преследований, которым Мустафа подвергался после того, как, отбыв в 1972 г. трехлетний срок заключения, возвратился в Ташкент.

В связи с явной сфабрикованностью нового дела и очевидной неправосудностью приговора Мустафа объявил голодовку протеста, которую он намерен продолжать вплоть до отмены приговора, а если этого не произойдет, то до полного отбытия срока.

Теперь стало известно, что для отбывания наказания он отправлен в Омскую область. Этот факт особенно тревожен. По принятой практике, лица, осужденные на срок менее трех лет, отбывают наказание не только в своей республике, но и в области, где они проживали. В тех случаях, когда такая практика нарушалась, это, как правило, означало, что ожидается увеличение срока лагерным судом. Так было с Анатолием Марченко, Владимиром Дремлюгой, Андреем Амальриком.

Особенно тревожно то обстоятельство, что Мустафа был этапирован в состоянии голодовки, что резко противоречит человечности и явно опасно для жизни голодающего. То, что с этим не посчитались, дает основание предполагать наличие умысла на умерщвление Мустафы Абдульджемиля.

К этому же предположению приводит и анализ ныне циркулирующей в Самиздате записи судебного процесса 1970 года над Ильем Габаем и Мустафой Джемилевым. Это описание коренным образом отличается от других, ему подобных. В нем описан не только сам процесс, но и приведены все основные документы предварительного следствия, среди которых значи-

тельная часть тех, которые начисто опровергают обвинительное заключение. Следственные органы не рассчитывали на свет гласности и не удосужились очистить дело от опасных для них свидетельств.

Илья Габай и Мустафа Абдульджемиль умело использовали этот просчет следствия во время процесса, проходившего в январе 1970 г. в Ташкентском городском суде, полностью разоблачили сфабрикованность дела. Подсудимые по сути дела поменялись ролями с судьей и обвинителем, они настойчиво добивались доказательств выдвинутых обвинений, в то время как суд "ловчил" и изворачивался, чтобы уйти от рассмотрения реальных фактов.

Подсудимые получили максимальные сроки, предусмотренные статьей, но суд должен был выносить приговор, не имея никаких законных оснований для этого. Судьи, обвинение и лица, причастные к следствию, понимали, что понесли полное поражение. Это несомненно породило к И.Габаю и М.Абдульджемилю зоологическую ненависть.

Но Илья Габай трагически ушел из жизни, а Мустафа — жив. Да к тому же к нему есть еще и особые счеты:

1. Он дал обоснованный отвод прокурору. Суд, не мотивируя, отклонил отвод. Но суд ничем не мог опровергнуть тот признанный самим прокурором факт, что он участвовал в карательных действиях против крымских татар и является свидетелем по разбираемому делу, что, согласно статьям 23,59, 63 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК союзных республик, препятствует участию данного лица в процессе в качестве прокурора.

2. Мустафа был особенно настойчив в требовании удаления из зала суда специально подобранной "публики" — лиц, проводивших следствие, и сотрудников КГБ, что нарушало принцип гласности — статья 18 УПК РСФСР.

3. Джемилев поймал судью на том, что он получает записки с указаниями, как вести процесс, т.е. на нарушении статьи 16 УПК РСФСР — принципа независимости суда.

4. Мустафа в судебном заседании не имел адвоката и потому получил право на защитительную речь. Эта всесторонне аргументированная, логичная и высоко эмоциональная речь не оставила камня на камне от обвинения, создававшегося следствием и судом в течение свыше 9 месяцев. В речи доказа-

на неправосудность дела, убедительно показано, что следствие и суд не анализировали факты, а пытались подогнать под статьи Уголовного кодекса вполне законную правовую деятельность, т.е. сами совершили уголовно наказуемые деяния, подпадающие под действие статей 176,177,178 УК РСФСР и соответствующих статей УК УзССР. При этом Мустафа нарисовал впечатляющую картину незаконных гонений и бюрократического террора против крымских татар, что стало возможно в результате серьезных нарушений демократических принципов, провозглашенных советской Конституцией.

Всего этого простить Мустафе не могли. Все те преследования, которым он подвергся после отбытия предыдущего трехлетнего срока, и все то, что происходит сейчас, нельзя оценить иначе, как ведомственную месть. И это очень тревожно. В 1972 г. Мустафа вышел из лагеря тяжело больным. Во время суда в этом году его здоровье, подорванное борьбой против непрекращающихся беззаконий, было еще хуже. Сейчас, после почти полугодовой голодовки и этапирования в этом состоянии, он, очевидно, совсем плох. Его надо срочно спасать.

Я убедительно прошу Вас и Ваших коллег по Комитету поднять свой авторитетный голос в защиту Мустафы Абдулджемиля (Джемилева), за его немедленное освобождение и обеспечение квалифицированной медицинской помощи в домашних условиях.

Настоящее письмо я передаю в Ваше полное распоряжение для использования в целом и по частям в интересах спасения жизни Мустафы.

Андрей Григоренко

В защиту Мустафы Джемилева

Письмо Андрея Григоренко вновь привлекает внимание к трагической борьбе Мустафы Джемилева. Джемилев держит голодовку с момента очередного несправедливого ареста в конце мая этого года. Его здоровье подорвано тюрьмами и лагерями, неоднократными голодовками протеста. Сейчас жизнь замечательного человека, посвятившего себя защите прав много-

страдального крымско-татарского народа, находится в опасности.

В июне 1974 г. я вместе с другими обратился через Международную лигу прав человека к Генеральному секретарю ООН с просьбой выступить в защиту Мустафы Джемилева. Мне не известна какая-либо реакция на это обращение.

Я вновь обращаюсь к господину Курту Вальдхайму. Я обращаюсь к Международной Амнистии, к международным комитетам по защите прав человека, к Международному Красному Кресту, ко всем организациям и частным лицам, озабоченным страданиями людей и защитой справедливости. Выступите в защиту Мустафы Джемилева и прав народа крымских татар. Требуйте от своих правительств решительных действий в интересах гуманности и справедливости.

20 ноября 1974 г.

Андрей Сахаров, академик

Заявление Сахарова

*Президентам национальных
психиатрических ассоциаций*

профессору Мартину Россу (Англия), профессору Лабхарту (Швейцария), доктору Чалке (Канада), доктору Шпигелю (США), доктору Энгернаезу (Дания), доктору Хустинсу (Голландия), доктору Видарту (Франция), доктору Гиппиусу (ФРГ), профессору Чабичер.

Почти три года находится в заключении Семен Глузман — врач-психиатр, осмелившийся бросить вызов психиатрической школе, которая использует психиатрию в репрессивных целях. Глузман вырос в семье врача и там избрал ту же профессию, понимая с юности ее тяготы и ответственность. По окончании медицинского института его направляют на работу в Днепропетровскую специальную психиатрическую больницу — ту самую, в которой сейчас томятся Плющ, Чиннов, [Плахотнюк], Лупынос и десятки других менее известных жертв. Принять это предложение значило бы (по убеждению Глузмана) стать соучастником подобных преступлений. Он отказывается. После более года безработицы ему удается поступить на работу врачом скорой помощи. Весной 1972 г. Глузман арестован. Суд по надуманным обвинениям в распространении клеветнических измышлений о советском строе осуждает его на семь лет заключения. Сейчас стало известно, что это была месть властей за анонимное, но очень весомое выступление Глузмана в самиздате — это написанная им в соавторстве заочная экспертиза по делу Григоренко, который в то время находился по фальшивому диагнозу в заключении в Черняховске в специальной психиатрической больнице. Экспертиза квалифицированно разоблачала одно из самых мрачных и тщательно скрываемых преступлений, и именно это повлекло за собой месть властей. После осуждения, в лагере Глузман принимает участие в борьбе политзаключенных за их права против произвола и жестокости администрации и все ужесточающегося режи-

ма содержания заключенных. В 1974 г. он, в частности, принимает участие в месячной коллективной голодовке заключенных пермского лагеря № 35 и пишет обращение к мировой общественности об ее целях. С первых недель пребывания в лагере он непрерывно подвергается репрессиям, в частности за то, что он как врач помогает больным товарищам. Эти репрессии — лишение свиданий и арест на переписку, многомесячное заключение в карцер. После участия в коллективной голодовке Глузман вновь лишен свидания с тяжело больным отцом, приехавшим к нему за 2 000 километров, и помещен в карцер на голодный режим со скудным питанием через день. Я обращаюсь к вам, рассчитывая на ваше понимание и сочувствие и на вашу профессиональную солидарность. Глузман — один из тех людей, которыми должны гордиться коллеги. Сегодня он нуждается в вашей защите. Помогите ему.

20 ноября 1974 г.

С глубоким уважением

А. Сахаров, академик

\$ 5.00